Б. В. Титлиновъ.

ОТВѢТЪ

НА „ОТВѢТЪ"

архіепископа Антонія Волынскаго

О

КНИГѢ Б. В. ТИТЛИНОВА:

„Духовная школа въ Россіи въ XIX столѣтіи".

Къ характеристикѣ положенія богословской науки въ Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій, № 8.
1911.

459
69

Отвѣтъ на „отзывъ“ архіепископа Антонія волынскаго о книгѣ Б. В. Титлинова: „Духовная школа въ Россіи въ XIX стол.“, вып. I и II (1808—1869 г.г.).

Архіепископъ Антоній волынскій въ газетѣ «Колоколъ» (№№ 1665 и 1666 отъ 20-го и 21-го октября с..г.) опубликовалъ свой «отзывъ» о моемъ сочиненіи «Духовная школа въ Россіи въ XIX стол.», составленный имъ по порученію Св. Синода, по вопросу о присужденіи докторской степени. Газетный тонъ отзыва, не свойственный рецензіямъ объ ученыхъ работахъ, какъ будто бы даетъ возможность думать, что это простая газетная статья. Но нѣкоторые выраженія «отзыва» ясно говорятъ, что это именно и есть та «обстоятельная рецензія», которая, по словамъ того же «Колокола», легла въ основу синодальнаго опредѣленія по вопросу о присужденіи упомянутой степени. Обыкновенно оффиціальные отзывы синодальныхъ рецензентовъ не публикуются вообще, а тѣмъ болѣе въ газетахъ. Въ такомъ случаѣ они, естественно, не подлежатъ и печатной критикѣ. Но разъ преосв. Антоній примѣнилъ свой «отзывъ» въ качествѣ газетнаго фельетона, то тѣмъ самымъ онъ, очевидно, самъ отдаетъ свою «рецензію» на публичное обсужденіе и явно вызываетъ и автора рецензируемаго сочиненія на отвѣтъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ пишущій эти строки берется за этотъ отвѣтъ. Когда приходится имѣть дѣло съ серьезной научной критикой, то защищать себя доставляетъ даже нѣкоторое удовольствіе. Но когда приходится реабилитировать себя отъ нападокъ газетнаго тона, однако исходящихъ отъ лица высокооффиціальнаго и составляющихъ оффиціальный документъ, то положеніе защищающагося весьма затруднительно. Тѣмъ не менѣе, въ видахъ выясненія истины, мы

принимаемъ молчаливый вызовъ самого автора «отзыва» на публичный отвѣтъ, причемъ постараемся по возможности удержаться въ границахъ только высказанныхъ преосв. Антоніемъ по поводу нашей книги соображеній.

Преосв. Антоній начинаетъ свой отзывъ съ замѣчанія, что моей диссертаціи «не посчастливилось даже на снисходительномъ и дружелюбномъ судѣ своихъ сотоварищей по академической корпораціи», такъ какъ въ Совѣтѣ академіи изъ 17 голосовъ 5 высказались противъ присужденія докторской степени. Такое предварительное замѣчаніе имѣетъ, конечно, въ виду указать на особо, якобы, неблагопріятный для достоинства сочиненія ходъ дѣла и въ Совѣтѣ. Находя совершенно неудобнымъ входить въ разсмотрѣніе даннаго именно случая, считаемъ необходимымъ указать, что присужденіе ученыхъ степеней въ Совѣтахъ академіи чрезвычайно рѣдко проходитъ единогласно. Сплошь и рядомъ бываетъ, какъ легко убѣдиться по журналамъ совѣтовъ, присужденіе степени совершается простымъ большинствомъ. Большинство же болѣе, чѣмъ въ $^2/_3$, всюду и вездѣ считается подавляющимъ и прохожденіе дѣла такимъ большинствомъ бываетъ далеко не всегда. Преосв. Антонію, какъ бывшему академическому дѣятелю, все это прекрасно извѣстно.

Вслѣдъ за этою предпосылкою высокій рецензентъ выдвигаетъ доводъ противъ работы автора, имѣющій уже интересъ общій и принципіальный и, кажется, едва-ли не единственно объективный въ его отзывѣ. Именно, высокопреосв. Антоній утверждаетъ, что сочиненіе по самой темѣ своей не можетъ быть принято на соисканіе докторской ученой степени, въ силу синодальнаго циркуляра 1899 г., запрещающаго брать темы для ученыхъ диссертацій «изъ слишкомъ недавняго прошлаго». Одного этого, по словамъ рецензента, достаточно, чтобы отклонить ходатайство о присужденіи степени. Но эта, повидимому, такая сильная ссылка на самомъ дѣлѣ оказывается самой шаткой. Въ упомянутомъ циркулярѣ Св. Синода говорится о «слишкомъ недавнемъ прошломъ»; но критерія для опредѣленія давности не указано. По общепринятому понятію объ исторической давности, таковая начинается за гранью полу-столѣтія отъ современности. Такого пониманія, и даже болѣе широкаго, держится, по всѣмъ рѣшительно признакамъ, и церковная власть. Послѣ циркуляра 1899 г. Св. Синодомъ были, напримѣръ, присуждены ученыя степени за работы изъ

эпохи XIX вѣка проф. кіевской академіи Завитневичу (степень доктора), К. П. Дьяконову (степень магистра за аналогичный съ нашимъ трудъ), св. С. В. Петровскому (степень магистра, за исторію одесскаго собора), ректору казанской духовной академіи преосв. Алексію (есть и еще примѣры, но ихъ сейчасъ не припоминаемъ). Послѣдній случай особенно характеренъ для оцѣнки утвержденія высокопреосв. Антонія. Преосв. Алексій на соисканіе докторской степени представилъ исторію религіозныхъ движеній на югѣ Россіи во 2-й половинѣ XIX вѣка, т. е. дѣйствительно изъ совсѣмъ недавняго времени. Св. же Синодъ утвердилъ преосв. Алексія въ докторской степени въ нынѣшнемъ году, т. е. совсѣмъ недавно. Ясно, что толкованіе синодальнаго циркуляра высокимъ рецензентомъ совершенно противорѣчитъ дѣйствительности и діаметрально расходится взглядомъ на дѣло самого Св. Синода. Но въ такомъ случаѣ, какъ же относится самъ Св. Синодъ теперь къ этому толкованію? Послѣ опубликованія отзыва высокопреосв. Антонія, этотъ вопросъ получаетъ существенную практическую важность. Преосв. Антоній самъ членъ Св. Синода; его слова могутъ быть приняты, не смотря на противорѣчіе недавнимъ дѣйствіямъ, за указаніе. Отсюда возникаетъ затрудненіе впредь принимать на соисканіе ученыхъ степеней сочиненія изъ исторіи XIX вѣка, даже и первой его половины (къ этой половинѣ относится наша диссертація). А если исторія XIX вѣка будетъ изъята изъ предметовъ трудовъ на ученыя степени, то она и совсѣмъ погрузится въ научную тьму, потому что почти всѣ серьезныя работы въ области исторіи русской церкви преслѣдуютъ диссертаціонныя цѣли. Этотъ вопросъ нуждается въ авторитетномъ разъясненіи, нужду въ которомъ сейчасъ же почувствуютъ академическіе совѣты.

Заранѣе принципіально отвергнувъ путемъ указаннаго пріема докторское достоинство рецензируемой книги, высокопреосв. Антоній снисходитъ, однако, до разбора и ея содержанія. И здѣсь на первомъ мѣстѣ выдвигается принципіальное возраженіе. Высокій рецензентъ находитъ, что сочиненіе прежде всего не соотвѣтствуетъ своему заглавію. По его мнѣнію, его надо бы озаглавить: «Исторія трехъ уставовъ нашей духовной школы въ XIX вѣкѣ» или даже: «Матеріалы по разработкѣ» названныхъ уставовъ. А если, продолжаетъ онъ, поставить бы такое заглавіе, то сочиненіе уже вовсе не могло бы быть принято на ученую степень, потому что диссертація предпо-

лагаетъ всегда объединеніе своего содержанія извѣстною идеею и полную, исчерпывающую разработку предмета. «Такой же полноты и идейности не могла бы имѣть даже и строго прагматическая исторія уставовъ нашей церковной школы уже потому, что уставы эти не были раскрытіемъ какого-либо опредѣленнаго богословско-философскаго міросозерцанія, ни естественнымъ выраженіемъ богословско-пастырскихъ запросовъ самой церковной жизни». Ученый трудъ, по мнѣнію высокопреосв. Антонія, возможенъ только «по исторіи самой духовной школы, ея жизни, ея воздѣйствія на жизнь церкви, на общественную мысль, на духовное воспитаніе народа (дальше подробно развивается та же мысль). Итакъ, сущность этого возраженія состоитъ въ томъ, что сочиненіе обнимаетъ свой предметъ не во всей полнотѣ, а лишь въ части, и что въ такомъ частичномъ видѣ оно по существу на ученую степень не пригодно.

Что сочиненіе не обнимаетъ своего предмета во всей полнотѣ, съ этимъ мы не будемъ спорить, а вполнѣ согласны. Но дѣйствительно ли абсолютная полнота разсмотрѣнія составляетъ conditio sine qua non ученой диссертаціи? Такого требованія о совершенной полнотѣ прежде всего не предъявляетъ самое «положеніе» объ ученыхъ степеняхъ, которое говоритъ лишь о полнотѣ наивозможной. Затѣмъ, такая полнота и не можетъ по существу требоваться безусловно. Всякій знаетъ, что есть такіе научные вопросы, особенно историческіе, которые во всей полнотѣ однимъ человѣкомъ физически не могутъ быть разработаны. Чѣмъ шире вопросъ, тѣмъ меньшая полнота его изслѣдованія доступна каждому изслѣдователю въ частности. Если бы для ученаго труда требовалась совершенная полнота изслѣдованія предмета, но тогда собственно совсѣмъ не могло бы появляться такъ называемыхъ системъ или общихъ исторій ученаго характера. Выходитъ такъ, что если авторъ желаетъ написать диссертацію, то онъ долженъ взять узкую тему, которую онъ можетъ разсмотрѣть всесторонне. Напримѣръ, вмѣсто исторіи духовной школы въ XIX вѣкѣ,—взять просто исторію какой-нибудь одной эпохи ея жизни въ теченіи этого времени или даже исторію одного учебнаго заведенія. Въ послѣднемъ случаѣ, въ предѣлахъ ограниченной темы, легче достигнуть всесторонней полноты— и ученая диссертація удовлетворительна. Въ первомъ же случаѣ, хотя бы авторъ потратилъ гораздо больше труда и до-

былъ больше новыхъ данныхъ и болѣе широкаго значенія, его диссертація будетъ почти всегда не полной и потому неудовлетворительной. Такова логика означеннаго требованія, не выдерживающая, очевидно, критики. Потому-то на практикѣ мы и видимъ, что такого требованія никто почти уже не предъявляетъ нынѣ къ ученымъ диссертаціямъ, такъ какъ оно клонится явно къ задержкѣ разработки науки. Не будемъ называть ,изъ понятнаго стѣсненія, именъ, но спросимъ, много ли диссертацій за послѣднія хотя бы два десятилѣтія, гдѣ предметъ былъ бы разсмотрѣнъ съ исчерпывающею полнотою? Даже и диссертаціи на узкія темы этому требованію не всегда отвѣчаютъ, а на темы широкія—тѣмъ болѣе. Тѣмъ не менѣе авторы такихъ трудовъ увѣнчивались и увѣнчиваются учеными степенями, вполнѣ обычно справедливо, и хотя ученая критика можетъ говорить объ ихъ неполнотѣ, но она говоритъ объ этомъ съ точки зрѣнія идеала, вполнѣ понимая трудность его осуществленія въ дѣйствительности. Почему же высокопреосв. Антоній задумалъ въ настоящемъ случаѣ примѣнять ту мѣрку, которую Св. Синодъ въ другихъ случаяхъ не примѣняетъ, не примѣняетъ и самъ высокопреосв. Антоній въ качествѣ члена Св. Синода?

Вмѣсто исторіи духовной школы въ ея цѣломъ, высокопреосв. Антоній видитъ въ нашей диссертаціи только исторію школьныхъ уставовъ или даже лишь собраніе матеріаловъ для таковой исторіи. Послѣдней детали мы коснемся въ другомъ мѣстѣ, а пока остановимся лишь на общемъ содержаніи этого заключенія. Прежде всего, развѣ исторія уставовъ не входитъ въ исторію духовной школы? Общее заглавіе «Духовная школа» можно (я согласенъ) назвать неопредѣленнымъ, но подъ такимъ заглавіемъ вполнѣ умѣстна даже и исторія уставовъ. Во-вторыхъ, наша книга, какъ убѣдится каждый читатель, вовсе не представляетъ только исторію уставовъ. Исторія *школы* (и именно школы, а не просвѣщенія въ его цѣломъ) слагается, естественно, изъ двухъ главныхъ элементовъ: законодательныхъ, учредительныхъ нормъ и практическаго ихъ осуществленія. Первое и есть исторія уставовъ. Но ужели высокопреосв. Антоній не усмотрѣлъ второго? Вѣдь большая часть всего сочиненія, столь «безконечно длиннаго», по выраженію рецензента, говоритъ именно о практическомъ осуществленіи уставовъ, т. е. о школьномъ status quo. Тѣ же вопросы, которые высокопреосв. Антоній ставитъ на пер-

вомъ мѣстѣ въ «ученомъ» трудѣ о духовной школѣ, конечно, интересны, но они представляютъ все-таки нѣчто дополнительное къ исторіи собственно *школы*, какъ мы ее выше обрисовали. Вотъ почему этихъ вопросовъ авторъ и не затронулъ почти (хотя не совсѣмъ), будучи обремененъ обиліемъ матеріала по отмѣченнымъ главнымъ, центральнымъ пунктамъ. Такимъ образомъ желаніе высокаго рецензента перезаглавить книгу весьма субъективно и не соотвѣтствуетъ дѣйствительному содержанію книги. Если бы назвать ее исторіей уставовъ, то она оказалась бы шире своего заглавія. Единственно, что дѣйствительно можно бы сдѣлать, то это ограничить широту заглавія оговоркой: «преимущественно по документамъ Архива Св. Синода»,—оговоркой, точнѣе опредѣляющей источники и предѣлы изслѣдованія.

Нельзя пройти мимо и того замѣчанія преосвященнаго рецензента, изъ котораго слѣдуетъ, что будто бы сама по себѣ исторія уставовъ не можетъ быть предметомъ ученой работы, потому что уставы не служатъ раскрытіемъ какого-либо опредѣленнаго міросозерцанія или одной идеи. Въ первый разъ намъ приходится слышать, что какой-либо историческій вопросъ тогда лишь можетъ быть темой диссертаціи, когда въ исторіи соотвѣтствующаго предмета есть единая идея. Откуда такое пониманіе исторіи и исторической науки? Ужели въ развитіи и жизни каждаго учрежденія надо и можно искать раскрытіе «философскаго міросозерцанія»? Какое же «міросозерцаніе», напримѣръ, раскрывается въ исторіи Сената, Государственнаго Совѣта, Синода, какой либо семинаріи, академіи, сословія, народа и т. п.? Не значатъ ли поиски такого «міросозерцанія» просто намѣреніе подгонять факты дѣйствительности подъ предвзятую идею? И можно ли ограничивать ученый историческій интересъ кругомъ однихъ лишь вопросовъ философско-историческаго содержанія? Желательно бы знать, какое «міросозерцаніе» раскрывается, напримѣръ, въ исторіи архіерейскаго дома, собора, учебнаго заведенія, миссіи,—на каковыя темы написано не мало диссертацій. Откуда же такая исключительная требовательность именно къ исторіи дух. учебныхъ заведеній, или, вѣрнѣе, именно къ нашему сочиненію?

Рѣшивъ категорически, что по самому предмету сочиненіе не годится въ качествѣ ученой диссертаціи, высокій рецензентъ начинаетъ разбирать его съ разныхъ сторонъ и безпощадно сыплетъ на него всевозможные упреки.

Первый изъ этихъ упрековъ — упрекъ въ *безыдейности*. Сочиненіе, говоритъ высокопреосв. Антоній, представляетъ не изслѣдованіе, а скорѣе сырой матеріалъ, необработанный, не объединенный одной идеей. — Чѣмъ же доказывается названное утвержденіе? Рецензентъ начинаетъ свое доказательство довольно оригинально: онъ указываетъ на то, что въ сочиненіи нѣтъ предисловія и заключенія. Упрекъ за отсутствіе предисловія раздавался и съ другихъ сторонъ. Упрекъ этотъ, пожалуй, самъ по себѣ и справедливъ: было бы полезно предпослать предисловіе, для указанія задачъ и источниковъ. Но для каждаго очевидно, что это упущеніе не столь существенной важности (вѣдь предисловіе не мѣняетъ содержанія книги), и во всякомъ случаѣ изъ отсутствія предисловія и заключенія никакъ нельзя заключать о «безыдейности». Къ великому удивленію, другихъ доказательствъ даннаго тезиса у нашего высокаго рецензента не имѣется. Онъ голословно заявляетъ, что въ сочиненіи нѣтъ руководящей точки зрѣнія, что въ немъ «сырой матеріалъ». Такое увѣреніе можетъ быть убѣдительнымъ лишь для людей не читавшихъ книги. Разумѣется, если искать философской «идеи», то таковой не найти. Но не найти ея потому, что ея нѣтъ въ самомъ предметѣ. Школьное законодательство и опредѣляемое имъ школьное дѣло опредѣлялись не философскими теоріями, а историческими традиціями и временными обстоятельствами. Худо ли, хорошо ли это, но это такъ, и искать не существующаго напрасно. Однако, если нѣтъ и не можетъ быть философской объединяющей идеи, то это не значитъ, что нѣтъ и единства. Единство изслѣдованію придается общимъ планомъ раскрытія предмета: именно, постепеннымъ раскрытіемъ измѣненій школьнаго законодательства и соотвѣтствующимъ измѣненіемъ состоянія школьнаго дѣла, изъ какового уже вытекаетъ и практическая оцѣнка законодательныхъ мѣропріятій. Какимъ образомъ высокій рецензентъ не замѣтилъ этой «идеи», непонятно, потому что другіе рецензенты нашего труда ее замѣтили (за исключеніемъ проф. прот. С. А. Соллертинскаго, который тоже искалъ несуществующей «философской» идеи). Слѣдовательно, если изъ-за отсутствія яко бы руководящей идеи высокій рецензентъ называетъ книгу «сырымъ матеріаломъ», то послѣднее столь же невѣрно, какъ первое обвиненіе. Если же вообще матеріалъ, представленный въ книгѣ, кажется ему необработаннымъ, то остается только спросить, что же назы-

вается обработаннымъ матеріаломъ? На этотъ счетъ могутъ быть воззрѣнія нѣсколько расходящіяся въ частностяхъ, но говорить прямо и огульно о «сыромъ матеріалѣ» несправедливо. Въ такомъ случаѣ весьма много диссертацій придется окрестить тѣмъ же именемъ; но тогда уже ускользаетъ всякій критерій «обработанности» и открывается просторъ полному субъективизму. Если мы не ошибаемся, то высокому рецензенту не нравится самое обиліе фактовъ, подтверждающихъ то или другое положеніе и кажущееся ему излишне-скучнымъ. Изъ его отзыва видно также, что ему представляются излишними многочисленныя статистическія данныя. Но это уже совершенно оригинальный въ исторической наукѣ взглядъ, чтобы обиліе фактовъ вмѣнялось въ недостатокъ [1]).

---

[1]) Отмѣчаемъ въ примѣчаніи тѣ частные штрихи, которые сопутствуютъ разсужденіямъ высокаго рецензента о „безыдейности“ нашей книги. Высокій рецензентъ говоритъ, что авторъ начинаетъ свою книгу съ „краткаго восхваленія Александровской эпохи и французской революціи“. Соль замѣчанія, конечно, въ послѣднемъ. Но обратившись къ книгѣ (I, 1), мы прочтемъ здѣсь вмѣсто „восхваленія“ революціи простую фразу: „Кружекъ приближенныхъ молодого Государя (Алекс. I), ставъ у кормила власти, спѣшилъ осуществить планы, родившіеся подъ вліяніемъ идейныхъ настроеній французскаго освободительнаго движенія“. Пусть разсудитъ читатель, есть ли въ этой фразѣ восхваленіе революціи, припомнивъ, конечно, что „освободительнымъ движеніемъ“ эпоха конца XVIII в. называется въ учебникахъ. Затѣмъ, рецензентъ замѣчаетъ, что авторъ ограничиваетъ описаніе церковныхъ школъ Екатерининской эпохи перечнемъ преподававшихся предметовъ и „указаніемъ на ея полную зависимость отъ мѣстнаго архіерея, что, по мнѣнію автора, является ultima ratio въ доказательствѣ ея непригодности“. И здѣсь соль опять во второй половинѣ фразы. Но, справившись съ книгой (I, 5—16), мы находимъ, что характеристика школьнаго дѣла въ дореформенную эпоху состоитъ не въ перечнѣ только предметовъ, а въ указаніи многихъ отличительныхъ чертъ по части учебной, административной и экономической, при чемъ замѣчаніе о непосредственной зависимости школъ отъ архіереевъ составляетъ всего одну строку, совершенно описательнаго смысла, и именно читается такъ: „состоя въ непосредственномъ завѣдываніи епархіальныхъ архіереевъ“... школы... и т. д. безъ всякаго касательства въ дальнѣйшемъ этого вопроса (стр. 6). Въ передачѣ высокаго рецензента эта описательная строчка выросла въ „ultima ratio“... Бросая упреки за отсутствіе „заключенія“, высокій рецензентъ замѣчаетъ: „авторъ заявляетъ, что уставъ 1867—1869 года былъ временемъ полнаго и высшаго расцвѣта духовной школы (послѣ коего начался ея упадокъ), нисколько не соображаясь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что $^2/_3$ или даже $^3/_4$ ея питомцевъ не находили нужнымъ и заканчивать курса этой школы, а, пройдя четыре класса семинаріи, уходили въ уни-

Пытаясь всѣми силами унизить рецензируемое сочиненіе, высокопреосв. Антоній недвусмысленно заподозриваетъ даже и самый способъ собиранія авторомъ архивнаго матеріала. Именно, онъ намекаетъ, что это трудъ не столь значительный при существованіи въ архивѣ экстрактовъ по дѣламъ о семинарскихъ и академическихъ уставахъ. Этими экстрактами, ясно даетъ понять свою мысль высокопреосв. Антоній, будто бы и пользовался авторъ диссертаціи. Но тѣ экстракты, о которыхъ говоритъ высокій рецензентъ, если только таковые существуютъ (автору неизвѣстно), предназначены для пользованія въ современной законодательной и реформаторской практикѣ и ихъ въ самомъ архивѣ мы, по крайней мѣрѣ, даже не встрѣчали. Затѣмъ, цитаціи книги ясно показываютъ, что источниками ея были не экстракты, а подлинныя дѣла, потому что въ экстрактахъ, навѣрно, не обозначены листы дѣлъ и нѣтъ всѣхъ подробностей. Наконецъ, если и есть экстракты по дѣламъ объ уставахъ и даже если бы дѣйствительно они были въ пользованіи автора, то этимъ работа весьма мало облегчается. Дѣлъ объ уставахъ, просмотрѣнныхъ авторомъ и цитованныхъ въ книгѣ, очень немного, прямо единицы, и пользованіе этими дѣлами вообще не трудно. Главная же масса архивнаго матеріала (сотни дѣлъ) вовсе не объ уставахъ и ни въ какихъ экстрактахъ не содержится. Это, разумѣется, извѣстно высокопреосв. Антонію.

верситетъ; окончившіе курсъ шли тогда въ священники почти только по нуждѣ, да и въ академіяхъ студентовъ было лишь столько, сколько существовало казенныхъ стипендій, обезпечивавшихъ бѣднякамъ-семинаристамъ безпечальное житіе въ продолженіе четырехъ лучшихъ лѣтъ жизни, а далѣе чинъ 10 класса". Но, во-первыхъ, когда мы говоримъ о расцвѣтѣ школы, то разумѣемъ самое школьное дѣло, независимо отъ того, куда пойдутъ воспитанники по окончаніи учебнаго заведенія; во-вторыхъ, далеко не $^3/_4$ семинаристовъ уходили на сторону; въ-третьихъ, уходъ семинаристовъ на сторону зависѣлъ не отъ школы, а отъ того, что одновременно съ уставами 60-хъ г.г. были введены въ дѣйствіе новыя правила о поступленіи въ клиръ, по которымъ въ священники требовалось посвящать не ранѣе 30 лѣтъ, а первые 3—5 лѣтъ по окончаніи семинаріи семинаристъ долженъ былъ прослужить въ должности псаломщика. На такія условія найти охотниковъ было, дѣйствительно, не легко, и семинаристы бѣжали. Въ-четвертыхъ, въ академіяхъ студентовъ (какъ будетъ еще показано ниже) въ 70-хъ гг. было настолько больше прежняго, что пришлось именно поэтому увеличить число казенныхъ вакансій, а послѣ 1884 г. это число опять было уменьшено.

Окрестивъ названіемъ «матеріалы» рецензируемое сочиненіе, высокій рецензентъ нападаетъ на его планъ. Планъ этотъ, яко бы, слишкомъ безхитростенъ. Обычныя рубрики — администрація, ученіе, воспитаніе, матеріальное содержаніе — все это какъ будто взято изъ схемы устава. Но почему планъ сочиненія долженъ быть какимъ-то особенно сложнымъ и «хитрымъ»? Во имя какого научнаго требованія? Въ другихъ случаяхъ въ изложеніи и построеніи сочиненій особо цѣнятся простота и ясность схемы, дающая болѣе отчетливое впечатлѣніе. А тутъ вдругъ эта же простота — преступленіе. Не одобряетъ высокій рецензентъ и того обстоятельства, что сочиненіе доведено только до уставовъ 1867—1869 гг., тогда какъ въ заглавіи говорится вообще о XIX вѣкѣ. Онъ объясняетъ это «утомленіемъ» автора. Но, во-первыхъ, общее заглавіе «въ XIX стол.» не говоритъ непремѣнно о всемъ столѣтіи; во-вторыхъ, книги отмѣчены, какъ выпуски I и II, что не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы не было дальнѣйшихъ; въ-третьихъ же, какъ извѣстно, весьма многія сочиненія подаются на ученыя степени въ первыхъ лишь томахъ и это считается явленіемъ законнымъ.

Покончивъ съ планомъ, высокопреосв. Антоній категорически замѣчаетъ, что и незаконченность работы еще бы не бѣда, но вотъ бѣда—работа эта отличается «безыдейною механичностью». Въ доказательство приводятся такія соображенія.

Высокій рецензентъ упрекаетъ автора за подробно-утомительныя таблицы числа уроковъ. Но развѣ въ исторіи школьнаго дѣла эти таблицы ненужны или—даже болѣе—не необходимы?! Упрекаетъ также за «механическія выписки изъ ревизорскихъ отчетовъ объ удовлетворительности и неудовлетворительности преподаванія каждаго предмета». Но, во-первыхъ, почему эти выписки «механическія»? Если вспомнить, что ревизорскіе отзывы разсѣяны по множеству отчетовъ и требуютъ цѣлесообразной выборки, то говорить о механичности тутъ странно. А если считать статистическое указаніе этихъ отзывовъ въ подтвержденіе мнѣнія о постановкѣ преподаванія излишнимъ, то это еще болѣе странно. По какимъ же даннымъ иначе возможно представить возможно-общую картину учебнаго дѣла, какъ не по ревизорскимъ отчетамъ? Высокій рецензентъ замѣчаетъ, что самъ же авторъ не особенно высоко цѣнитъ ревизорскіе отчеты, а между тѣмъ ими обильно пользуется. Подобное об-

виненіе приходилось автору слышать и изъ другихъ устъ. Однако, подобное возраженіе покоится на очевидномъ недоразумѣніи. Постановка ревизій можетъ быть не совсѣмъ удовлетворительна и каждый въ отдѣльности ревизорскій отчетъ не заслуживаетъ *безусловнаго* довѣрія. Но когда этихъ отчетовъ десятки и сотни, то въ результатѣ несомнѣнно они *въ среднемъ* освѣщаютъ такъ или иначе существующую дѣйствительность. Главное же, при всей, скажемъ, относительности ревизорскихъ оцѣнокъ, у насъ нѣтъ другого равноцѣннаго матеріала для исторіи духовно-учебныхъ заведеній. Если мы обратимся къ исторіи семинарій, то менѣе обстоятельныя изъ нихъ о постановкѣ учебныхъ предметовъ совсѣмъ почти не сообщаютъ, а болѣе обстоятельныя сообщаютъ объ этомъ на основаніи точно также оффиціальныхъ данныхъ — тѣхъ, которыя служатъ матеріаломъ для ревизорскихъ отчетовъ, и самихъ же этихъ отчетовъ. Къ тому же исторіи семинарій существуютъ лишь для нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній. Что касается всевозможныхъ воспоминаній, то эти воспоминанія отрывочны и случайны и часто — дѣло личнаго впечатлѣнія. Напрасно думаютъ нѣкоторые, что такія воспоминанія особенно цѣнны: онѣ цѣнны, но было бы весьма ошибочно на основаніи ихъ построять оцѣнку постановки учебнаго дѣла; да это прямо и невозможно по ихъ чистѣйшей эпизодичности. Потому-то ревизорскіе отчеты и ложатся въ основу изображенія состоянія учебнаго дѣла, при чемъ, однако, авторъ привлекалъ по возможности и другіе указанные источники, сами по себѣ совершенно недостаточные и скудные. Ознакомившись ближе съ положеніемъ вопроса, и каждый долженъ придти къ такому же заключенію. Малоцѣнными находитъ высокопреосв. Антоній и «безконечныя таблицы съ числомъ учащихся въ разные годы». На самомъ же дѣлѣ количественный ростъ учащихся служитъ показателемъ весьма важныхъ сторонъ школьной жизни, касающихся и учебнаго дѣла и особенно самой школьной организаціи. Между прочимъ, таблицы учащихся именно могутъ дать понятіе о вліяніи школы на жизнь, о ея практическихъ результатахъ, чего хочетъ и высокопреосв. Антоній, но средствомъ къ чему онъ очевидно считаетъ общія соображенія, а не фактическія данныя. Относительно истолкованія самыхъ статистическихъ данныхъ высокій рецензентъ замѣчаетъ, что одно и то же явленіе — уменьшеніе числа учащихся, будто бы, толкуется авторомъ то какъ отрадное

(при уставѣ 1814 г.), то какъ печальное (при Пратасовѣ), въ зависимости отъ взглядовъ на эпоху; при этомъ приведена цитата (I, 30). Но это утвержденіе совершенно противорѣчитъ истинѣ. Ни на 30 стр. I вып., ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, во-первыхъ, не говорится объ уменьшеніи учениковъ съ введеніемъ устава 1814 г., потому что такого уменьшенія не было; само собою ясно, что и «явленіе это» (мнимое) не могло толковаться ни отрадно, ни печально. Если же мы обратимся къ книгѣ, то найдемъ и поводъ, введшій высокаго рецензента въ заблужденіе. На стр. 30 I вып. говорится, что уставъ 1814 г. устанавливалъ для учениковъ «нормы, уничтожавшія прежній безпорядокъ». Но здѣсь говорится не о нормахъ числа учащихся, а о нормахъ времени поступленія и пребыванія въ училищѣ; высокій рецензентъ же, очевидно, смѣшалъ эти «нормы» съ «нормами» пратасовскими.

Отъ недостатковъ книги по ея фактическому содержанію, указанныхъ съ вышеизъясненною убѣдительностью, высокій рецензентъ переходитъ къ тому, что онъ называетъ «плодомъ мысли самого автора», т. е. къ выводамъ и оцѣнкамъ историческихъ явленій.

Выводы автора высокій рецензентъ называетъ «необоснованными», «общими» «и по большей части двусмысленными». Поясненіе этихъ терминовъ начинается въ такомъ родѣ.

„Мы въ данномъ случаѣ, пишетъ высокопреосв. Антоній, разумѣемъ прежде всего постоянное восхваленіе устава 1814 г. и порицаніе устава 1840—2 годовъ (Протасовскаго). Допустимъ, что первый уставъ былъ лучше второго, но изъ книги г. Титлинова этого вовсе не явствуетъ. Свои постоянныя восхваленія перваго устава онъ выражаетъ въ повторяемой имъ, ничего ни значущей, фразѣ: „стройная градація управленія отъ верха до низу вновь введена комитетомъ“ etc. (I, 32).

Если эту тираду прочитаетъ кто-либо изъ читателей самой книги, то онъ придетъ въ большое недоумѣніе. Высокопреосв. Антоній утверждаетъ, что всѣ доказательства превосходства устава 1814 г. предъ Протасовскимъ планомъ сводятся у автора къ ничего не значущей фразѣ и т. д. Фраза эта выхвачена изъ того мѣста, гдѣ собственно и говорится не столько о достоинствахъ устава, сколько о его отличіяхъ отъ проекта преосв. Евгенія Болховитинова (любопытно знать, гдѣ же ея повторенія, когда у рецензента значится одна цитата?). О сравнительныхъ же достоинствахъ устава 1814 г. говорится на протяженіи всего перваго и большей части второго выпуска, конечно не сплошь, а въ различныхъ со-

отвѣтствующихъ случаяхъ, такъ что всѣ стороны устава 1814 г. съ этой стороны освѣщены. Ни одинъ добросовѣстный читатель не можетъ, поэтому, присоединиться къ тирадѣ высокопреосв. Антонія.

Уже изъ приведенной тирады видно, что самъ нашъ высокій рецензентъ держится на уставъ 1814 г. взгляда, совсѣмъ отличнаго отъ взгляда автора. Онъ и спѣшитъ это высказать. Но вмѣсто того, чтобы дѣйствительно доказать свои мысли по отношенію къ цѣлому уставу, онъ обрушивается на одну его черту, видимо особенно его затрагивающую. Это—система школьнаго внѣшняго управленія, введенная уставомъ 1814 и названная авторомъ «стройной», каковой этитетъ высокому рецензенту крайне не нравится.

„Стройность", говоритъ высокопреосв. Антоній, заключалась только въ томъ, чрезвычайно непедагогическомъ установленіи, что академіи, долженствующія сосредоточить свое вниманіе на себѣ, на наукѣ и на своихъ питомцахъ, были призваны къ управленію десятками семинарій, къ разсылкѣ на ревизію по нимъ своихъ начальниковъ за сотни и тысячи верстъ, вмѣсто собственной учено-воспитательной работы, и конечно такое заочное управленіе школами чрезъ занятыхъ людей было гораздо болѣе „случайнымъ", чѣмъ тѣ „мѣстныя вліянія", именемъ которыхъ авторъ столь несочувственно характеризуетъ мѣстныхъ іерарховъ, имѣвшихъ семинарію всегда подъ глазами (I, 45). Въ другомъ мѣстѣ авторъ именуетъ архіереевъ и ректоровъ прямо „бюрократическимъ элементомъ", очевидно очень плохо представляя себѣ подлинный смыслъ этого выраженія (II, 301)".

Прежде чѣмъ оцѣнить по достоинству это возраженіе, необходимо устранить изъ него побочные элементы. Автору тутъ, во-первыхъ, усваивается, что онъ именемъ «мѣстныя вліянія» несочувственно характеризуетъ мѣстныхъ іерарховъ. Обращаясь къ цитованной страницѣ (I, 45), мы находимъ, что здѣсь сказано, что централизація школьнаго управленія освободила школьное дѣло отъ случайныхъ мѣстныхъ вліяній. Судя по контексу рѣчи, видно, что тутъ разумѣется то разнообразіе школьныхъ курсовъ и вообще постановки школьнаго дѣла, которое царило до устава 1814 г. и которое вовсе не требовалось какими-либо дѣйствительно мѣстными условіями, а зависѣло всецѣло отъ недостаточной организованности всей школьной сѣти. Ни о какомъ несочувствіи мѣстнымъ іерархамъ тутъ нѣтъ и намека. Точно также и на стр. 301 II вып. смыслъ словъ автора искаженъ. Здѣсь говорится, что въ распоряженіи комитета 1860—62 г.г. были отзывы только однихъ бюрократическихъ органовъ, въ смыслѣ органовъ адми-

нистративныхъ, но отнюдь безъ всякой цѣли и намѣренія высказать этимъ органамъ какое-либо порицаніе. Стало быть, оба намека высокаго рецензента построены на искаженіи цитатъ.

Что касается возраженія по существу противъ достоинствъ системы окружно-академическаго управленія, то эта система, во-первыхъ, въ сочиненіи автора вовсе не превозносится безусловно. Она была несомнѣнно лучше порядка до 1814 г.; она имѣла свои преимущества и предъ порядкомъ послѣ 1867 г.; но въ ней были и недостатки, которые авторомъ указаны въ своемъ мѣстѣ, при оцѣнкѣ административнаго строя, причемъ не замолчаны и тѣ неудобства, какими единственно аргументируетъ высокопреосв. Антоній свое отрицательное отношеніе къ разсматриваемой системѣ. А насколько вообще эта система цѣнилась высоко въ свое время самой іерархической средой, о томъ весьма рельефно свидѣтельствуютъ, напримѣръ, горячія сѣтованія на ея упраздненіе архіеп. казанскаго Антонія (Амфитеатрова), человѣка убѣжденій весьма консервативныхъ и энергичнаго противника уставовъ 60-хъ годовъ. «Эти округи, говорилъ преосв. Антоній Амфитеатровъ, имѣли свое значеніе, положительно полезнѣйшее»; окружное управленіе было «естественно, раціонально и практично»; «все въ этомъ порядкѣ—и начало съ концомъ и конецъ съ началомъ сходились, сочетавались» [1]. Во имя извѣстныхъ, неотъемлемыхъ достоинствъ академическаго окружнаго управленія и при реформахъ 60-хъ годовъ въ защиту его выступали и сами академіи (см. у автора II, 310—311) и такіе іерархи, какъ м. моск. Филаретъ. Разумѣется, все-таки на этотъ вопросъ могутъ быть разные взгляды. Но умѣстно ли здѣсь такое легкое отношеніе къ вопросу, какъ у нашего высокаго рецензента, и какою степенью убѣдительности, въ качествѣ научнаго возраженія, обладаетъ его вышеприведенная тирада?

Пойдемъ далѣе за нашимъ высокимъ критикомъ.

„Второе, сомнительное достоинство устава 1814 года, продолжаетъ высокопр. Антоній, авторъ указываетъ въ томъ, что, хотя по своему составу духовная школа носила характеръ сословный... но школѣ не ставилась одна, узко профессіональная задача приготовлять священно и церковнослужителей и учителей для духовно-учебныхъ заведеній.

---

[1]) Подробное изложеніе мыслей преосв. Антонія см. у архим. Сергія (Василевскаго), „Высокопреосв. Антоній (Амфитеатровъ), архіеп. казанскій“, т. II, Каз. 1885 г., стр. 299—302.

— Неужели же быть служителемъ Христа есть узкая цѣль школы? Какая же цѣль можетъ быть шире и возвышеннѣе ея? Недоумѣвающій читатель скоро пойметъ мысль автора, если, вмѣсто уступительнаго смысла, который повидимому вытекаетъ изъ первыхъ словъ приведенной выдержки, придастъ имъ смыслъ, подкрѣпляющій похвалу уставу. Его цѣнность авторъ въ томъ только и можетъ указать, что этотъ уставъ, вмѣсто доставленія народу духовныхъ пастырей, заботился о доставленіи образованія дѣтямъ послѣднихъ, дабы „они могли также поступать на гражданскую службу по желанію“ (ibid. I, 52).—Далѣе авторъ, уже не скрывая своего неудовольствія, приводитъ слова одного изъ ненавистныхъ ему Протасовскихъ проектовъ о томъ, „что сословная особность духовной школы истребляетъ духъ общительности и порождаетъ чрезвычайно вредный эгоизмъ званія, и представляетъ собою совершенный анахронизмъ“ (I, 74). Почему авторъ оставляетъ это указаніе безъ возраженій, приведя его вмѣстѣ съ другими парадоксальными, по его мнѣнію, выписками изъ проекта? потому ли, что не имѣетъ данныхъ для возраженія, или потому, что боится слишкомъ откровеннымъ отстаиваніемъ сословной исключительности духовныхъ училищъ и семинарій нарушить крайне либеральный тонъ своей работы? или по обѣимъ этимъ причинамъ вмѣстѣ—неизвѣстно“.

Здѣсь все сплошное несоотвѣтствіе дѣйствительности. Во-первыхъ, широта задачи духовной школы не *второе* достоинство устава 1814 г., потому что на предыдущихъ страницахъ сочиненія (I, 45 — 52) указывалось уже не мало этихъ достоинствъ. Во-вторыхъ, слово «узкая» по отношенію къ задачѣ духовной школы, какъ ясно изъ текста, употреблено отнюдь безъ всякаго порицательнаго оттѣнка по отношенію къ конфессіонализму, а просто какъ обозначеніе факта; вѣдь, конечно, цѣль подготовки только кандидатовъ на церковныя должности уже цѣли образованія просвѣщенныхъ служителей церкви на всѣхъ поприщахъ дѣятельности. Въ-третьихъ, что широта задачи духовной школы есть достоинство, съ этимъ спорить невозможно именно при ея безусловной сословности, какою она отличалась по уставу 1814. Разъ школа была всецѣло сословной, то сдѣлать ее всецѣло профессіональной значило бы буквально силой тащить на поприще церковнаго служенія всѣхъ, даже прямо не желающихъ этого. Не нужно забывать, что по уставу 1814 г. для духовенства отдача дѣтей въ духовныя училища была *обязательной*. Ужели же при такихъ условіяхъ строгая профессіональная замкнутость была бы достоинствомъ, когда даже въ наши дни тотъ же самый высокопреосв. Антоній волынскій находитъ не полезнымъ насильно удерживать въ духовной школѣ тѣхъ, кто не чувствуетъ расположенія къ духовному служенію, и потому изъ шестикласс-

снаго училища открываетъ двери куда угодно? Въ-четвертыхъ, говорить о томъ, что цѣнность устава 1814 г. авторъ въ томъ «только» и можетъ указать, что этотъ уставъ открывалъ изъ духовной школы дорогу на гражданскую службу,—это значитъ не читать хотя бы стр. 45—52 I вып. книги. Въ-пятыхъ, въ области историческихъ фактовъ не можетъ быть рѣчи о ненависти или любви, и обвиненіе рецензентомъ автора въ ненависти къ протасовскимъ проектамъ ни на чемъ не основано. Въ-шестыхъ, слова I, 74 о сословной особности духовной школы авторъ приводитъ не только не съ неудовольствіемъ, а *совсѣмъ напротивъ*, потому что сословность нигдѣ никогда не ставилась имъ въ заслугу школѣ, въ чемъ читатели книги имѣютъ поводы убѣдиться (ср., напр., II, 337). А если такъ, то какая же можетъ быть рѣчь объ отсутствіи «возраженій» автора противъ «словъ» «одного изъ протасовскихъ проектовъ»?

„Совершенная необоснованность авторскихъ симпатій къ уставу 1814 г. и авторскихъ антипатій къ уставу Протасовскому—продолжаетъ высокопреосв. Антоній,—еще нагляднѣй выступаетъ въ II томѣ сочиненія г. Титлинова. Ему хочется представить Протасовскія преобразованія, какъ глубокое пониженіе образовательнаго уровня духовенства, какъ сознательный обскурантизмъ, но онъ незамѣтно для себя указываетъ на огромныя достоинства сего устава, какъ упраздненіе латинскаго языка въ преподаваніи богословскихъ наукъ и впервые введенное преподаваніе науки Священнаго Писанія, какъ основной въ богословскомъ курсѣ (II, 107); авторъ этихъ достоинствъ устава не хочетъ оттѣнить, но зато съ смѣшнымъ негодованіемъ говоритъ о томъ, что новый уставъ уменьшилъ число уроковъ по догматическому богословію съ девяти до восьми (II, 109).

Основныя убѣжденія графа Протасова о наличной и желательной духовной школѣ авторъ излагаетъ иногда въ обобщеніи. Убѣжденія эти кажутся нашему автору нелѣпыми до самоочевидности, судя по тому, что онъ ихъ оставляетъ безъ всякихъ возраженій, но на читателя они производятъ впечатлѣніе, совершенно противоположное, какъ живая, насущная правда. „Гр. Протасовъ находилъ, что семинарская наука слишкомъ отвлеченна, схоластична и превыспренна, отчего священники говорятъ языкомъ непонятнымъ для народа, что въ наукахъ богословскихъ нѣтъ ни одной простой руководящей нити, что семинаристы мало знаютъ церковное преданіе, лежащее въ основѣ церковной практики, и даже самую практику“ (II, 6). „Вы учились не столько для себя, сколько для насъ (говорилъ графъ архим. Никодиму): вы наши учители въ вѣрѣ. Но мы васъ не понимаемъ... У васъ нѣтъ народнаго языка. Вы чуждаетесь церковности. Практическое богослуженіе вамъ неизвѣстно. Вы почитаете низкимъ для себя знать и изучить его... У насъ (военныхъ) всякій знаетъ маршъ и ружье; морякъ умѣетъ назвать послѣдній гвоздь корабля, знаетъ его мѣсто и силу. А вы, духовные, не знаете

вашихъ духовныхъ вещей“ (II, 7). Авторъ вмѣсто разбора этихъ словъ, представляющихъ собою святую истину, совершенно чуждую какихъ-либо преувеличеній, заключаетъ слова графа слѣдующею, совершенно недостойною серьезной книги передержкой: „Очевидно, графъ хотѣлъ внушить Никодиму, что задача духовной школы не образовать умственно и нравственно будущихъ пастырей, а просто пріучить ихъ къ требоисправленію“. Судите сами, насколько сходится этотъ выводъ съ выпиской, приведенной изъ предыдущей страницы книги, гдѣ Протасовъ упрекаетъ семинаристовъ въ незнаніи и въ неблагоговѣніи. И что за нелѣпое у нашего автора противопоставленіе священнодѣйствій и требоисправленій съ нравственнымъ образованіемъ пастыря.—Совершенно неяснымъ, поэтому, остается сообщеніе автора о томъ, что митрополиты Филаретъ и Серафимъ „отлично понимали, что проведеніе тѣхъ утилитарныхъ цѣлей, какими задавался Протасовъ, или безполезно или вредно. Въ дѣлѣ подготовленія пастырей, по ихъ мнѣнію, духовная школа достаточно исполняла свое назначеніе, готовить же врачей и агрономовъ вмѣстѣ съ пастыремъ невозможно“. Оставимъ рѣчь о медицинѣ и агрономіи въ сторонѣ, но откуда усмотрѣлъ авторъ, будто митрополиты считали тогдашнюю семинарію удовлетворительною въ пастырскомъ отношеніи, и если это было такъ (что конечно неправда), то какъ справлялись они съ приведеннымъ возраженіемъ Протасова? это остается для читателя совершенно непонятнымъ, ибо не можетъ же онъ допустить, чтобы іерархи, подобно нашему автору, стали бы прикрывать свое безсиліе опровергнуть правдивыя указанія Протасова на практическую неудовлетворительность нашей школы такими фельетонными передержками, какъ это сдѣлалъ самъ г. Титлиновъ.

Мы съ своей стороны не симпатизируемъ личности графа Протасова, ознакомившись съ нею по очеркамъ Лѣскова, но прочитавъ лѣтъ 20 тому назадъ тѣ самыя „воспоминанія“ арх. Никодима, на которыхъ авторъ такъ неудачно думалъ построить свое осмѣяніе Протасовскихъ проектовъ, мы должны были признать полную разумность и практичность послѣднихъ“.

Изъ этой длинной тирады, имѣющей, по существу, какъ видно, принципіальный интересъ, опять надо прежде всего устранить разныя отдѣльныя искаженія, которыми подтверждается мысль рецензента. Преосв. Антоній говоритъ, будто бы авторъ «незамѣтно для себя», при общемъ отрицательномъ отношеніи къ Протасовскимъ преобразованіямъ, указываетъ, однако, на ихъ достоинства. Но почему это «незамѣтно для себя», когда на стр. 21 II вып. отмѣна преподаванія на латинскомъ языкѣ прямо называется «свѣтлымъ пятномъ» на общемъ фонѣ преобразованія, а на стр. 107 того же выпуска по справедливости оцѣнивается и улучшеніе въ постановкѣ св. Писанія? Авторъ отнюдь, какъ видно, не замалчивалъ немногихъ достоинствъ Протасовской реформы. Никакого «негодованія» по поводу уменьшенія уроковъ догматики авторъ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук

не высказываетъ, а на стр. 109 II вып. просто спокойно отмѣчаетъ это уменьшеніе, какъ фактъ, и фактъ конечно для дѣла преподаванія догматики не отрадный. Стало быть, и «смѣшного» ничего нѣтъ. Что убѣжденія графа Протасова кажутся автору «нелѣпыми до самоочевидности», это произвольная догадка высокаго рецензента, на которую онъ не имѣлъ никакого права, такъ какъ изъ хода изложенія ясно видно, что, во-первыхъ, убѣжденія графа автору кажутся не «нелѣпыми», а необоснованными и односторонними; а во-вторыхъ, изъ всего дальнѣйшаго видно (а не самоочевидно), въ чемъ же состояла названная необоснованность и односторонность. Слова Протасова на стр. 6 II вып. авторомъ приводятся даже вовсе не съ отрицательнымъ къ нимъ отношеніемъ. Напротивъ, изъ этой стран. слѣдуетъ, что изложенныя тутъ убѣжденія графа составляли именно то, что въ его мысляхъ заслуживало вниманія, почему эти мысли и были приняты Коммиссіей Дух. Училищъ. Цитата же на стр. 7—II въ ея заключительныхъ словахъ какъ разъ выражаетъ то, что въ планахъ графа составляло недостатокъ: именно, графъ подъ «духовными вещами», какъ очевидно изъ его сравненія, понималъ механическій навыкъ къ требоисправленію и отправленію богослуженія и къ этому сводилъ главную задачу духовной школы. Потому-то авторъ и дѣлаетъ соотвѣтствующее заключеніе. Есть ли *противоположеніе* требоисправленія съ нравственнымъ образованіемъ въ приведенномъ заключеніи автора, — предоставляемъ рѣшить каждому безпристрастному читателю. Для рецензента кажется неяснымъ сообщеніе объ отношеніи къ Протасовскимъ идеямъ митр. Филарета и Серафима. Но тутъ нѣтъ ничего неяснаго, если не усваивать названнымъ митрополитамъ произвольно тѣхъ убѣжденій, какихъ они не имѣли, но какія усвояетъ имъ высокопреосв. Антоній. По мнѣнію высокаго рецензента, м.м. Филаретъ и Серафимъ «конечно» считали тогдашнюю семинарію неудовлетворительной въ пастырскомъ отношеніи. Но гдѣ же для этого доказательства? Никакихъ не приведено, а между тѣмъ доказательства обратнаго мы имѣемъ. Засѣдавшіе въ Коммиссіи Дух. Училищъ, названные іерархи далеко не отзывчиво встрѣтили указанія графа на недостатокъ профессіональнаго образованія. Въ этихъ указаніяхъ они немного нашли справедливаго и во вниманіе къ этому справедливому издали постановленіе 1838 г., но издали безъ особой предупредительности. Затѣмъ, изъ устъ самихъ

митрополитовъ никогда не раздавались упреки школѣ того времени въ ея недостаточномъ соотвѣтствіи пастырскимъ цѣлямъ. Не ясно ли, что названные іерархи не только не «конечно», но и просто не считали духовную школу неудовлетворительной въ пастырскомъ отношеніи? «Справляться» же съ выраженіями графа Протасова имъ не было нужды, потому что эти возраженія, очевидно, опровергались самою жизнью, у кормила которой стояли названные митрополиты, и носили явные признаки своего субъективнаго возникновенія. Наконецъ, если критику Протасовскихъ плановъ рецензентъ называетъ осмѣяніемъ, то такъ надо назвать будетъ всякую критику.

Что же осталось отъ всей приведенной тирады «отзыва»? Осталось только несогласіе рецензента съ оцѣнкой въ рецензируемой книгѣ Протасовскихъ реформъ и проектовъ, которые высокопреосв. Антонію представляются «вполнѣ разумными и практичными». Это уже вопросъ принципіальный и, какъ справедливо замѣчаетъ далѣе самъ рецензентъ, его мнѣніе о Протасовской реформѣ «не обязываетъ автора относиться къ нимъ такимъ же образомъ». Стало быть, послѣ отпаденія всѣхъ вышеразобранныхъ частностей, все разсматриваемое возраженіе высокаго рецензента можно считать отпавшимъ. Но мы не можемъ пройти мимо и самого взгляда его на Протасовскую эпоху. Для знакомыхъ съ современною учебно-преобразовательною дѣятельностью высокопреосв. Антонія отчасти понятно, почему онъ столь симпатизируетъ Протасову, какъ реформатору. Но по существу дѣла эта симпатія не заслуженна. Идея возможно приблизить духовное образованіе къ практическимъ пастырскимъ цѣлямъ хороша; но вѣдь все зависитъ отъ того, въ какія формы она воплощается. Съ этой же стороны реформы Протасова были явно неудовлетворительны. Онъ сѣтовалъ на недостатокъ будто бы практической церковности, желалъ приблизить къ жизни богословскую науку. Но насколько въ этихъ мысляхъ было справедливаго, то это зависѣло не отъ учебныхъ предметовъ, а отъ постановки школьнаго дѣла. Школьныя программы по своему предметному содержанію достаточно удовлетворяли задачамъ школы и вновь введенные, по настоянію графа, предметы почти ничего не внесли новаго. Исповѣданіе Петра Могилы, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, даже отчасти патристика въ ея тогдашнемъ состояніи—оказались скорѣе ненужнымъ балластомъ, чѣмъ

пріобрѣтеніемъ. Это съ совершенною убѣдительностью доказала какъ школьная критика, такъ и отзывы всѣхъ инстанцій въ послѣ-протасовское время. Измѣнить же постановку семинарской науки могла не Протасовская реформа, а только прогрессъ самой жизни, самаго духовнаго научнаго просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ томъ и заключалась ошибка Протасова, что онъ не понималъ настоящихъ причинъ тѣхъ дефектовъ, которые бросались ему въ глаза, а тѣмъ болѣе не имѣлъ понятія о раціональныхъ средствахъ ихъ устраненія. Если же къ этому прибавить, что графъ воздыхалъ не только о практической церковности, но и о священникахъ—врачахъ и агрономахъ, каковую часть проектовъ Протасова высокопреосв. Антоній обходитъ уклончивой фразой, что это онъ «оставляетъ въ сторонѣ», то будетъ вполнѣ понятно, почему среди тогдашней іерархіи Протасовскіе планы не вызывали ничего, кромѣ неудовольствія. Не было, кажется, реформы, которая сопровождалась бы настолько единодушнымъ порицаніемъ и въ своемъ возникновеніи и въ своей отмѣнѣ, какъ реформа Протасова. Коммиссія духовныхъ училищъ, состоявшая изъ виднѣйшихъ іерарховъ, ей рѣшительно противилась. Избранный графомъ его пособникъ (Никодимъ) съ горечью и отрицаніемъ брался за порученное дѣло (см. книгу II, 6—10). Послѣ 20-ти-лѣтняго опыта преосвященные и ректора считали первымъ условіемъ новаго преобразованія уничтоженіе протасовскихъ нововведеній (см. книгу II, гл. VI). Такъ ужели же этотъ общій іерархическій голосъ не заслуживаетъ довѣрія? Или, быть можетъ, Филареты, Серафимы и под. были заядлыми либералами, съ точки зрѣнія современныхъ хранителей церковности, по пристрастію не желавшими признавать плодотворности «практическихъ и разумныхъ» протасовскихъ плановъ? Сужденіе нашего высокаго рецензента о Протасовской реформѣ можетъ считаться правильнымъ только при такомъ предположеніи. Но, стало быть, при спорности разныхъ оцѣнокъ Протасовскаго дѣла, и читатель можетъ склониться скорѣе на сторону рецензента, чѣмъ автора, лишь въ томъ случаѣ, если онъ найдетъ удобопріемлемымъ указанное предположеніе.

Но мало того, что преосв. Антонію не нравится взглядъ автора на Протасовскія реформы. Онъ заявляетъ далѣе, что самый взглядъ этотъ совершенно не обоснованъ.

По его словамъ, „авторъ во всякомъ случаѣ своей несомнѣнной обязанности разобрать и обстоятельно оцѣнить Протасовскія идеи о ду-

ховномъ образованіи, представляющія собою голосъ всего русскаго общества за послѣднія 100 лѣтъ и притомъ общества всѣхъ направленій (см., напр., отзывъ свѣтскаго члена преобразовательнаго комитета 1862 г.—Г. Гаевскаго, II, 267)—обязанности тѣмъ болѣе неотвратимой для автора, что большую часть своей диссертаціи онъ посвятилъ именно протасовскому періоду,—этой обязанности онъ не только вовсе не исполнилъ, но даже и не коснулся ея и уже тѣмъ самымъ обрекъ свою работу на признаніе ея неудовлетворительною, не говоря о вышеизложенныхъ ея непростительныхъ недостаткахъ.

Правда, авторъ на протяженіи обоихъ своихъ томовъ постоянно старается вооружить читателя противъ Протасовскаго проекта, но сущности его онъ все-таки нигдѣ не касается, а думаетъ достигнуть своей цѣли косвенными способами и при томъ совершенно ненаучными и неудачными.

Мы сказали, что кромѣ изложенія содержанія самыхъ уставовъ духовной школы, авторъ обильно знакомитъ читателя съ содержаніемъ ревизорскихъ отчетовъ о ней въ разныя эпохи. Дѣйствительно, авторъ не щадитъ терпѣнія своего читателя и мучитъ его совершенно безполезными статистическими выкладками о числѣ учениковъ въ разныхъ училищахъ и семинаріяхъ, о числѣ успѣвающихъ и не успѣвающихъ, о разныхъ ассигнованіяхъ на нихъ деньгами, одеждою и провизіей; цѣлые отдѣлы его безцвѣтной скучной книги состоятъ изъ этихъ таблицъ. Такъ, напр., ими поглощены въ первомъ томѣ 99—104, 213—233, 295—301, 346—364, во второмъ томѣ 64—74, 215—220 и т. д.

Списалъ ли ихъ авторъ изъ синодальныхъ экстрактовъ, не сдѣлавъ цитаты?—или составилъ самъ изъ сырого матеріала? мы бы желали думать первое, ибо въ профессорѣ даже нѣкоторый недостатокъ литературной добросовѣстности приходится предпочесть такой Тредьяковщинѣ, хотя и подъ либеральнымъ соусомъ.

Тредьяковщина эта тѣмъ безнадежнѣе, что авторъ самъ лишаетъ свои таблицы научной цѣнности, какъ мы уже упоминали, признавая одни и тѣ же факты, т. е. уменьшеніе или увеличеніе и числа учащихся и степени ихъ успѣшности, то утѣшительными явленіями, то напротивъ печальными, смотря по тому, приходится ли приростъ и убыль той и другой на симпатичную ему Александровскую эпоху или на антипатичную Николаевскую, когда дѣйствовалъ Протасовскій строй. Переходя къ особо излюбленному имъ уставу духовн. академій 1869 года, авторъ, не ознакомившись со статистикой дальнѣйшихъ годовъ жизни духовной школы, снова восхищается тѣмъ, что „академіи быстро наполнились такимъ количествомъ слушателей, какого онѣ не видали ни прежде, ни послѣ отмѣны устава 1869 года“. Здѣсь авторъ уже прямо ошибается. Въ 70-хъ годахъ академическое студенчество совершенно оскудѣло до числа казенныхъ стипендій (т. е. по 120 и даже по 90 человѣкъ на академію), и только изданное въ 1879 г. воспрещеніе принимать семинаристовъ въ университеты безъ экзамена зрѣлости наполнило академіи съ этого, а особенно съ 1881 года, большимъ числомъ подневольныхъ слушателей, которое стало убавляться уже съ 1883 года вовсе не въ виду отмѣны устава (послѣдовавшей въ 1884 г.), а въ виду воспрещенія студентамъ проживать на частныхъ квартирахъ, вызваннаго грандіозными скандалами академической жизни“.

Здѣсь бросается въ глаза прежде всего громкое утвержденіе высокаго рецензента, что Протасовскія идеи о духовномъ образованіи представляютъ голосъ всего русскаго общества за послѣднія 100 лѣтъ. Отсюда читатель долженъ сдѣлать тотъ поучительный выводъ, что ни авторы и современники устава 1814 г., не знавшіе Протасовскихъ идей, ни современники Протасовской эпохи во главѣ почти со всей высшей іерархіей, не признававшіе таковыхъ идей, ни дѣятели и современники послѣдующихъ преобразованій, отрекшихся отъ Протасовскаго наслѣдства, не составляли русскаго общества. Но изъ кого же въ такомъ случаѣ состояло и состоитъ это общество? Изъ словъ рецензента какъ будто слѣдуетъ, что мысли всего этого «общества» воплощалъ одинъ д. ст. сов. Гаевскій, участникъ комитета 1860—61 гг. и вліятельный воротила въ церковныхъ сферахъ того времени. Но самъ Гаевскій никакого своего плана не представлялъ, а просто подалъ отдѣльное мнѣніе въ упомянутомъ комитетѣ, въ которомъ онъ высказывался противъ двойственности цѣлей духовной школы. Это мнѣніе Гаевскаго, конечно, имѣетъ не болѣе значенія, чѣмъ и другія «мнѣнія» того времени и хотя бы чѣмъ особое мнѣніе другого участника комитета 60—62 гг. — г. Филиппова. На какомъ же основаніи высокій рецензентъ видитъ въ г. Гаевскомъ выразителя голоса всего русскаго общества, да еще чуть ли не за весь вѣкъ? Почему не авторы уставовъ 1814 и 1867 гг., не Филареты, Серафимы, Никодимы, Димитріи и т. д. были выразителями «голоса общества», а г. Гаевскій?

Впрочемъ, помимо этой характерной детали, насколько справедливо обвиненіе, будто бы авторъ совершенно не исполнилъ обязанности оцѣнить Протасовскія идеи? Вѣдь конечно въ дѣлѣ исторіи школы наиболѣе важна оцѣнка не самыхъ идей, которая всегда будетъ нѣсколько субъективной, а оцѣнка ихъ практическаго воплощенія въ школьной жизни. Какимъ же образомъ высокій рецензентъ не усмотрѣлъ этой оцѣнки въ книгѣ, весь второй выпускъ которой составляетъ въ цѣломъ такую оцѣнку? Впрочемъ, онъ не просмотрѣлъ, а просто не желаетъ признать нашу оцѣнку ни «научной», ни «удачной», какъ явствуетъ изъ его собственнаго признанія. Пока эти термины— недоказанная фраза, они не могутъ быть убѣдительными. А чѣмъ же они доказываются? Тѣмъ, что всѣ фактическія и статистическія данныя, «обильно», по выраженію самого рецен-

зента, изложенныя въ книгѣ, объявляются имъ «совершенно безполезными» и окрещиваются даже презрительной кличкою «Тредьяковщины». Конечно, самая эта кличка, разсчитанная на фельетонный эффектъ, не убѣдитъ серьезнаго читателя. Но если вдуматься по существу въ это смѣло высказанное убѣжденіе въ безполезности фактическихъ данныхъ, то возникаетъ невольное недоумѣніе... Въ научной рецензіи подобное увѣреніе представляется настолько немыслимымъ и невѣроятнымъ, что мы воздерживаемся отъ всякихъ комментаріевъ по этому поводу, предоставляя дѣлать ихъ самимъ читателямъ рецензіи. Однако, не можемъ столь же молчаливо пройти мимо отдѣльныхъ штриховъ въ томъ же родѣ, какъ мы уже видѣли прежде. Рецензентъ опять намекаетъ на какіе-то «экстракты». Такъ какъ тѣ фактическія данныя, источникъ которыхъ тутъ заподозривается, содержатся конечно не въ дѣлахъ объ уставахъ, экстракты копхъ знаетъ высокопреосв. Антоній, и такъ какъ соотвѣтствующихъ экстрактовъ даже и предполагать невозможно, то этотъ новый намекъ представляется еще болѣе страннымъ. Относительно вторичнаго упоминанія различнаго яко бы толкованія однихъ и тѣхъ же фактовъ въ зависимости отъ симпатій къ эпохѣ намъ незачѣмъ второй разъ повторять даннаго выше разъясненія. Что касается попытки высокаго рецензента обличить автора въ фактической неточности указанія на число студентовъ въ академіяхъ до и послѣ устава 1869 г., то предоставляется судить о ней по слѣдующему. До устава 1869 года въ академіяхъ бывало обычно около 100—120 челов., а въ казанской и менѣе. Послѣ этого устава, въ спб. академіи было, напримѣръ: до 1872 г. 102—129 студ., въ 1873 г.—140, въ 1874 г.—143, въ 1875 г.—169, въ 1876 г.—171, въ 1877 г.—163, въ 1878 г.—187, въ 1879 г.—199, въ 1880 г.—233 и т. д., повышаясь до 1884 г. [1]). Изъ отчетовъ оберъ-прокурора видно, что повышеніе числа учащихся по сравненію съ дореформеннымъ было и въ другихъ академіяхъ, хотя и меньшее. Что же значитъ послѣ этого утвержденіе высокопреосв. Антонія о совершенномъ оскудѣніи студенчества въ 70-хъ гг. и кто недостаточно ознакомился съ статистикой?

Дальше на очереди у нашего высокаго рецензента стоитъ

---

[1]) См. у. И. А. Чистовича, Спб. Дух. Академія за послѣднія 30 лѣтъ (1858—1888 г.). Спб. 1889 г., стр. 177, 215.

обвиненіе въ «тенденціозности». Доказательство этого обвиненія начинается въ такомъ родѣ.

„Вообще при всей безцвѣтности своего изслѣдованія авторъ постоянно впадаетъ въ тенденціозность. Подобно одному неудачному доктору, усматривавшему причину болѣзни всѣхъ своихъ паціентовъ въ расширеніи селезенки, чѣмъ онъ самъ страдалъ, авторъ старается всѣ неудачи семинарскаго преподаванія и воспитанія связать съ реформами Протасова, т. е. съ церковно-дисциплинарнымъ строемъ школы, хотя бы эти недостатки въ равной степени принадлежали всѣмъ эпохамъ ея жизни. Здѣсь онъ con amore выписываетъ укорительныя замѣчанія Протасовскихъ ревизоровъ, тогда какъ всѣ ихъ одобрительные отзывы о состояніи семинарій или академій считаетъ плодомъ человѣкоугодія или поверхностнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ (I, 113), которое обнаружилось при „серьезной ревизіи во второй половинѣ 60-хъ годовъ новыми ревизорами учебнаго комитета“ (II, 94).—Кому неизвѣстно, что этимъ ревизорамъ предсѣдатель учебнаго комитета протоіерей Васильевъ вмѣнялъ въ непремѣнную обязанность чернить все сохранившееся отъ прежнихъ обычаевъ, и расхваливать все новое, частнѣе—марать всѣхъ педагоговъ-монаховъ и требовать ихъ устраненія отъ службы и замѣны протоіереями или надворными совѣтниками: тотъ имѣетъ достаточную возможность убѣдиться въ сомнительности этихъ „серьезныхъ ревизій“ по книгѣ самого г. Титлинова на той страницѣ, гдѣ ему понадобилось требовать передачи почетной и доходной доли ревизоровъ своимъ коллегамъ-профессорамъ академій, такъ какъ „ревизоры академическіе едва ли могли бы получить такой чиновничій характеръ, какой легко привился къ ревизорамъ центральнымъ“ (II, 367). На чемъ основывается подобное упованіе автора, мы не знаемъ, но едва ли такая характеристика центральныхъ ревизоровъ сходится съ тѣмъ, что говоритъ о нихъ авторъ въ первомъ томѣ, гдѣ такъ увѣренно предпочитаетъ ихъ прежнимъ академическимъ же ревизорамъ. Очевидно и здѣсь „расширеніе селезенки“.

Относительно анегдотической «селезенки» едва ли стоитъ говорить, потому что она очевидно упомянута для краснаго словца. По содержанію же вышеприведенныя фразы служатъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ обнаруженій техники «отзыва». Прежде всего, у автора съ реформами Протасова связываются недостатки лишь учебнаго дѣла, да и то не «всѣ», а только многіе; относительно же школьнаго воспитанія, напротивъ, говорится, что и въ Протасовскую эпоху это воспитаніе страдало прежними дефектами, если и развившимися, то не отъ Протасовской собственно реформы. Что это такъ, въ этомъ каждый читатель убѣдится, прочитавши соотвѣтствующія главы II выпуска. Затѣмъ, что значитъ такой оборотъ: «съ реформами Протасова, т. е. съ церковно-дисциплинарнымъ строемъ школы». Гдѣ это говорится въ книгѣ, что сущность

реформъ Протасова состояла въ введеніи церковно-дисциплинарнаго строя? Протасовская реформа исключительно касалась учебной части и таковою трактуется, конечно, авторомъ. Зачѣмъ же подмѣнять понятія? Послѣ этого и замѣчаніе высокаго рецензента, что воспитательные недостатки Протасовской эпохи свойственны и другимъ эпохамъ, лишается укорительнаго значенія, потому что авторъ нигдѣ не утверждаетъ противнаго и не считаетъ воспитаніе Протасовскаго времени какимъ-то исключительнымъ явленіемъ. Послѣдующая реформа избавила школу отъ крайностей предшествующаго времени, но сдѣлать школьный режимъ нравственно, идейно-воспитывающимъ не могла и она, да, по нашему крайнему убѣжденію, и вообще не можетъ *учебное заведеніе*. Далѣе, авторъ вовсе не выписываетъ только укорительные отзывы, а приводитъ одинаково и похвальные, если они были (при чемъ «здѣсь» должно относиться преимущественно къ учебной части, что изъ тирады рецензента не ясно). Къ «укорительнымъ» отзывамъ ревизоровъ авторъ не относится съ полнымъ довѣріемъ, а относится къ нимъ съ такою же степенью довѣрія, какъ и къ похвальнымъ, но только, разумѣется, тогда, когда дѣло идетъ не объ общихъ замѣчаніяхъ, а о реальныхъ указаніяхъ. Что касается общихъ ревизорскихъ аттестацій, то авторъ смотритъ на нихъ критически потому, что онѣ часто не согласуются съ реальными данными. Между прочимъ, такъ какъ въ Протасовскую эпоху ревизорскіе отчеты большею частью ограничивались отвѣтными общими замѣчаніями, то авторъ, указывая ихъ относительную цѣну, и прибѣгаетъ для выясненія истины главнымъ образомъ къ другимъ даннымъ, фактическаго характера (см. II гл. II-го вып.). Вслѣдствіе этого и «укорительныхъ» выписокъ изъ «Протасовскихъ» ревизій оказывается не такъ много. Однако, изъ словъ высокаго рецензента получается впечатлѣніе, будто эти выписки обильны. Разгадка такого впечатлѣнія заключается въ слѣдующемъ: высокій рецензентъ, говоря объ укорительныхъ замѣчаніяхъ «Протасовскихъ» ревизій, ссылается на цитату I, 113. Въ данномъ мѣстѣ говорится не о Протасовской эпохѣ, а о времени Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, и весь этотъ выпускъ посвященъ этому времени. Въ этомъ выпускѣ, дѣйствительно, много выдержекъ изъ ревизорскихъ замѣчаній (до-Протасовскаго времени). Такъ какъ по справкѣ со вторымъ выпускомъ названная цитата не можетъ считаться случайной ошибкой (II—113 говоритъ совсѣмъ о другомъ предметѣ, да и вообще во II вып.

нѣтъ такихъ фразъ), то, очевидно, высокій рецензентъ, читая сочиненіе, смѣшалъ два выпуска и содержаніе перваго относитъ ко второй эпохѣ (и стало быть наоборотъ?). Вслѣдствіе чего произошло это, мы не знаемъ. Но во всякомъ случаѣ недоумѣніе теперь объясняется просто. Замѣчаніе высокаго рецензента о прот. Васильевѣ покоится, очевидно, на какихъ-то «негласныхъ» свѣдѣніяхъ, неизвѣстно откуда почерпнутыхъ. Какъ таковыя, эти свѣдѣнія едва ли могутъ выдвигаться въ серьезной аргументаціи, особенно принимая во вниманіе, что въ одномъ мѣстѣ высокій рецензентъ не преминулъ назвать «сплетнями» приводимыя у автора извѣстія изъ *печатныхъ* воспоминаній, ни кѣмъ не опровергнутыхъ. Мы же можемъ удостовѣрить, что, по крайней мѣрѣ въ первые годы дѣятельности Учебнаго Комитета, никакимъ подобнымъ директивамъ ревизоры не слѣдовали. Изъ нѣсколькихъ десятковъ отзывовъ указ. времени, просмотрѣнныхъ нами, нигдѣ не замѣтно ни малѣйшаго предубѣжденія противъ монашествующихъ и аттестаціи обычно основаны на фактическихъ данныхъ. Изъ нашей же книги убѣдиться въ «сомнительности серьезныхъ ревизій» Уч. Комитета никто никакъ не можетъ, потому что для этого нѣтъ никакихъ основаній. Проведенная же рецензентомъ цитата II, 367, не даетъ требуемаго доказательства. На 367 стр. II вып. говорится, что вмѣсто учрежденія института ревизоровъ при Уч. Комитетѣ было бы, пожалуй, полезнѣе учредить его при академіяхъ (но не въ прежней постановкѣ), для чего указаны основанія. Почему высокій рецензентъ вмѣсто этихъ мотивовъ усмотрѣлъ какое-то желаніе услужить коллегамъ-профессорамъ—не понятно. Должность ревизоровъ при первоначальномъ своемъ учрежденіи не была доходной, такъ какъ ревизоръ получалъ (2000 р.), меньше ординарнаго профессора по штатамъ 1869 г. Что касается замѣчанія о «чиновничьемъ характерѣ», привившемся къ центральнымъ ревизорамъ, то это замѣчаніе, во-первыхъ, относится къ послѣдующему будущему, а не къ начальному періоду дѣятельности ревизоровъ; во-вторыхъ же, названный терминъ у автора имѣетъ въ виду отмѣтить преимущество раціональнаго академическаго ревизорскаго института, а отнюдь не свидѣтельствуетъ противъ «большей серьезности» ревизій Уч. Комитета, особенно перваго времени, по сравненію съ Протасовскими ревизіями. Заключительная фраза приведенной тирады особенно знаменательна. Ея матеріальная цѣнность видна изъ предыдущихъ нашихъ замѣчаній. Но ея упоминаніе о томъ,

что въ первомъ томѣ гдѣ-то будто бы говорится о центральныхъ ревизорахъ по сравненію съ академическими вновь подтверждаетъ прежде высказанную догадку, что высокій рецензентъ томы рецензируемой книги перемѣшалъ...

Обратимся къ дальнѣйшимъ доказательствамъ «тенденціозности».

„Какими же,—пишетъ преосв. Антоній,—укорительными замѣчаніями послѣднихъ (т. е. центральныхъ ревизоровъ) о протасовской семинаріи и дореформенной вообще академіи пользуется авторъ для критики тогдашняго строя семинарій? Такими, которыя, какъ мы сказали, имѣли бы мѣсто всегда и продолжаютъ его имѣть понынѣ. Такъ, въ академіяхъ лекціи читали „неинтересно“, „невдохновенно“; „студенты на лекціяхъ читали книги“, „уходили въ городъ въ классное время“ и т. д. (I, 252). Но кто же маломальски знающій академическую жизнь и послѣ 1869 г., даже до 1911 включительно, будетъ отрицать, что позднѣйшее время ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ эпохи Аскоченскаго, доставившаго въ диссертацію г. Титлинова сію цитату?“

Вчитайтесь въ это замѣчательное мѣсто. Рѣчь идетъ объ «укорительныхъ замѣчаніяхъ» ревизоровъ, да еще Уч. Комитета, замѣчаніяхъ касающихся «тогдашняго (Протасовскаго) строя семинарій». А въ подтвержденіе приводится цитата (I, 252), въ каковомъ мѣстѣ книги приведены не замѣчанія ревизоровъ, а отрывки изъ воспоминаній бывшихъ питомцевъ и дѣятелей школы, воспоминаній только академическихъ и касающихся одного вопроса и, главное, относящихся не къ Протасовской эпохѣ, а къ до-Протасовской. Что же это—спроситъ читатель? Насмѣшка? Но надъ кѣмъ? Ужели надъ тѣмъ высокимъ учрежденіемъ, по порученію котораго составлялъ высокій рецензентъ свой отзывъ? Не трудно, конечно, замѣтить, что здѣсь мы видимъ и *третье* подтвержденіе того, что высокій рецензентъ перепуталъ выпуски книги и эпохи. Надо ли говорить еще о сущности приведеннаго замѣчанія? Высокопр. Антоній укоряетъ автора за то, что будто бы тотъ доказываетъ неудовлетворительность Протасовскаго строя ссылками на недостатки, присущіе и другимъ эпохамъ. Но, во-первыхъ, развѣ недостатки эти отъ этого перестаютъ быть недостатками? Во-вторыхъ, если бы высокій рецензентъ не ограничился своей замѣчательной цитатой (I, 252), то онъ конечно увидѣлъ бы, что Протасовской эпохѣ свойственно было не мало и своихъ специфическихъ недостатковъ, главнымъ образомъ въ области учебной, которые обстоятельно указаны во II—IV глав. II вып. Не читалъ ли ихъ высокій рецензентъ? Или онъ искалъ доказательствъ недостатковъ Протасовскаго

строя въ первомъ выпускѣ, откуда онъ извлекъ помянутую цитату и который трактуетъ о другомъ періодѣ? Не знаемъ и не хотимъ догадываться.

„Въ эпоху Протасова,—читаемъ дальше въ отзывѣ,—„курсъ самой важной богословской дисциплины (догматической) по матеріальному своему содержанію не отличался (въ академіи) отъ семинарскаго (II, 84)". А когда онъ отличался? Когда у насъ слышалась философія догматовъ? когда указывалась ихъ этическая идейность? „Нравственное богословіе преподавалось по прежнему по сухимъ католическимъ образцамъ" (ibid). А не то же самое и донынѣ? А что новаго внесли въ него семинарскія программы 1867 года и академическія 1869 года? „Исторія русской церкви преподавалась обычно неполно: напр., въ Московской академіи она прочитана была въ 1848 –50 учебн. годахъ до патріаршества" (II, 85). Господа! а въ хваленый Толстовскій періодъ иногда цѣлый годъ читали объ одномъ п. Никонѣ. И ужъ если упрекать какую-либо эпоху за неполноту курсовъ, то кто не знаетъ, что именно уставъ 1869 года разрушилъ ихъ полноту и замѣнилъ ее монографіями, да еще тѣмъ похвалялся устами своихъ адептовъ, просто нежелавшихъ работать, а безконтрольно барствовавшихъ при водвореніи тогдашнихъ республиканскихъ порядковъ".

Эти упреки, какъ видно, сводятся къ предшествующему пункту—недоказательной будто-бы характеристикѣ недостатковъ Протасовскихъ реформъ. Хорошо уже то, что на этотъ разъ высокій рецензентъ разобрался въ двухъ выпускахъ книги и не взялъ въ руки одного вмѣсто другого. Но убѣдительность упрековъ рецензента отъ этого не повышается. Что же, спросимъ мы, значитъ для характеристики Протасовскаго періода не слѣдуетъ указывать того, что тогда было, но что бывало въ извѣстной степени и въ предшествующее и послѣдующее время? Но тогда какая же получится историческая картина? Не соотвѣтствуетъ истинѣ указаніе высокаго рецензента, что программы 1867 и 1869 не внесли ничего новаго въ упомянутыя богословскія науки. Знакомство съ самыми программами и, главное, съ ихъ осуществленіемъ не позволяетъ вполнѣ согласиться здѣсь съ высокопреосв. Антоніемъ. А его утвержденіе, что эпоха устава 1869 отличалась наибольшей неполнотою академическихъ курсовъ, расходится съ фактическими данными на этотъ счетъ [1]). Что нобудило тѣмъ не менѣе высокаго рецензента къ такому утвержденію, это раскрывается изъ заключительнаго аккорда приведенной тирады, представляющаго отзвукъ субъек-

---

[1]) См. у С. Тернавскаго, Историческая записка о состояніи Казанской Дух. Академіи послѣ ея преобразованія (1870—1892 г.), Казань 1892 г., стр. 31—32 (составлено по оффиц. документамъ).

тивнаго настроенія рецензента, а не дѣйствительнаго знакомства съ вопросомъ.

„Авторъ негодуетъ на то,—читаемъ дальше у высокаго рецензента,—что дореформенные семинаристы любили общія фразы, поверхностныя обобщенія (I, 21), а теперь не то же самое? Къ числу ихъ относится и самъ г. Титлиновъ со своими репликами здравой (?) педагогикѣ (II, 182), о томъ, что дисциплинированіе набожности и скромности дѣлало дореформенныхъ семинаристовъ лицемѣрными (I, 278), что „опытъ (?) неоднократно доказывалъ“ нецѣлесообразность подражанія религіозной дисциплинѣ католическихъ семинарій (II, 278), что новый уставъ 1867 года хотѣлъ построить воспитаніе самымъ естественнымъ (?) образомъ (II, 364) и т. п.“.

Итакъ, «авторъ негодуетъ» на семинаристовъ за общія фразы? Отправляемся въ поиски и убѣждаемся, что на стр. 21 I вып. нѣтъ и рѣчи ни о чемъ подобномъ. Нѣчто подобное есть на стр. 210, но авторское «негодованіе» опять изобрѣтено высокимъ рецензентомъ. Тамъ просто спокойно констатируются недостатки семинарскихъ сочиненій. Не видимъ опять же никакихъ основаній воздерживаться отъ указанія на эти недостатки, хотя бы они были отчасти свойственны и нашему времени. Попытка обвинить въ «общихъ фразахъ» самого автора, сколь ни энергична со стороны высокаго рецензента, но едва ли убѣдительна. Въ приведенныхъ рецензентомъ для примѣра «общихъ фразахъ» трудно усмотрѣть что-либо предосудительное: безъ такихъ «общихъ фразъ» не можетъ, пожалуй, обойтись ни одно литературное произведеніе. Но полагаемъ необходимымъ исправить искаженный высокопреосв. Антоніемъ смыслъ нѣкоторыхъ нашихъ «общихъ фразъ». На стр. 278 I вып. терминъ «лицемѣрный» относится не къ семинаристамъ, а къ культивируемымъ дисциплинарнымъ способомъ качествамъ набожности и послушанія. На стр. 287 II вып. говорится, что опытъ неоднократно доказывалъ—(да, прибавимъ, и въ наше время продолжаетъ доказывать)—непригодность внѣшне—дисциплинарныхъ пріемовъ для воспитанія благочестивой настроенности, что, какъ видно, не совсѣмъ то, что получается въ передачѣ рецензента.

„Въ качествѣ ужасовъ семинарскаго образованія Протасовской эпохи,—продолжаетъ высокій рецензентъ,—авторъ приводитъ неодобрительный отзывъ одного преподавателя о Гоголѣ (I, 160), но вѣдь именно такъ же („пахнетъ кухней“ etc.) отзывался объ этомъ писателѣ и извѣстный литераторъ Леонтьевъ въ 1890 году: вкусы бываютъ разные! Еще менѣе достигъ своей саркастической цѣли нашъ авторъ, приводя съ издѣвательствомъ заглавіе одного семинарскаго сочиненія изъ Никитинскаго дневника: „можно ли что-либо представить внѣ формы пространства и вре-

мени, какъ напримѣръ ничто или вездѣсущество?“ (I, 209). Никитинъ былъ хорошій поэтъ, но совсѣмъ не философъ, а нашему автору, казалось бы, не трудно было встрѣтить здѣсь вовсе не смѣшной, а важнѣйшій со времени Канта и дальше гносеологическій вопросъ о реальности пространства и времени и не воспроизводить собою басни Крылова о Пѣтухѣ и Жемчужномъ Зернѣ“.

Слово «ужасъ», разумѣется, составляетъ свойственную высокому рецензенту гиперболу. Всякій, прочитавши указанное мѣсто I—160, пойметъ, что тутъ «ужаса» нѣтъ ни капли, а просто отмѣчается характерная черта. Если самъ рецензентъ согласенъ съ писателемъ Леонтьевымъ на счетъ Гоголя, то это конечно то же «дѣло вкуса». Издѣвательства надъ отвлеченною темою на стр. 209 I вып. нѣтъ, а она указывается только какъ примѣръ отвлеченности, непосильной для семинаристовъ, и подававшей поводъ къ насмѣшкамъ изъ-за ея непосильности. Отвлеченна ли дѣйствительно эта тема, предоставляемъ судить читателю; но не думаемъ, чтобы въ наше время подобная тема была пропущена для семинаріи какимъ либо педагогическимъ совѣтомъ. «Смѣшнымъ» самый вопросъ, содержащійся въ приведенной темѣ, авторъ вовсе не называетъ и это одно изъ произвольныхъ добавленій высокаго рецензента.

„Повидимому,—продолжаемъ читать въ „отзывѣ“,—болѣе основательнымъ укоромъ дореформенной эпохи дух. академіи или „лучшимъ доказательствомъ этой мертвенности служатъ сухія и тощія книжки тогдашнихъ академическихъ журналовъ и чрезвычайная рѣдкость самостоятельныхъ ученыхъ изслѣдованій академическихъ наставниковъ“ (II, 89). Конечно, печаталось тогда меньше, но „тощія“ книжки тѣхъ журналовъ („Воскр. Чтеніе“, „Христ. Чтеніе“) представляли собою долговѣчную цѣнность, какъ изслѣдованіе по первоисточникамъ, какъ тщательный переводъ святоотеческаго творенія, какъ дѣйствительно стоющая проповѣдь“.

Теперь книжки журналовъ ботѣе „толстыя“, но либо интересъ ихъ—на два года, либо они компиляціи или даже плагіатъ. Курсы наукъ, полные курсы, созданы авторами дореформенной школы, а пореформенная породила преимущественно тяжелыя, либо бездарныя (исключая немногія) монографіи: и во всякомъ случаѣ, если толщину книгъ считать ихъ безусловнымъ достоинствомъ, то въ сочиненія нашего автора оно будетъ единственнымъ.

Если мы справимся съ книгой по цитатѣ II—89, то обнаружимъ здѣсь со стороны рецензента просто маленькую подмѣну, на которой и базируется все это приведенное возраженіе. Рѣчь у автора идетъ о застоѣ въ академической наукѣ, происходящемъ главнымъ образомъ вслѣдствіе суровыхъ условій тогдашней цензуры, запрещавшей касаться со-

временныхъ вопросовъ [1]) и стѣснявшей даже вполнѣ разумную свободу изслѣдованія. Отсюда и происходила «сухость» (т. е. отсутствіе современнаго интереса) академическихъ журналовъ и количественная скудость вообще ихъ содержанія. Какъ видно, авторъ не отнимаетъ своей цѣнности отъ появлявшихся, хотя бы въ незначительномъ количествѣ, тогдашнихъ статей и изслѣдованій, а хочетъ лишь сказать, что изслѣдованій этихъ было бы больше и они были бы интереснѣе при другихъ условіяхъ. Въ передачѣ высокопреосв. Антонія получается иной смыслъ... Мнѣніе же его о сравнительныхъ достоинствахъ прежнихъ (дореформенныхъ) и нынѣшнихъ ученыхъ работъ, ничѣмъ не доказанное, конечно, такого рода, что полемизировать съ нимъ здѣсь не мѣсто. Чтобы авторъ считалъ толщину книгъ «безусловнымъ достоинствомъ», это еще одна произвольная догадка рецензента, отнюдь не базирующаяся на приведенной имъ цитатѣ даже въ ея нѣсколько искаженномъ смыслѣ. Догадка эта, впрочемъ, понадобилась высокому рецензенту, чтобы лишній разъ уязвить автора, съ какимъ успѣхомъ—пусть судятъ читатели, свѣривши «отзывъ» и книгу...

Таковы доказательства обвиненій со стороны высокопр. Антонія по адресу автора въ тенденціозномъ отношеніи къ реформамъ и эпохѣ Протасова. Нельзя сказать, чтобы онѣ были сколько-нибудь убѣдительны. Но не лучше и дальнѣйшія подкрѣпленія той же мысли, хотя уже съ другой стороны.

По словамъ высокаго рецензента,

„осуждая въ старомъ уставѣ духовныхъ школъ все безусловно, авторъ превозноситъ до небесъ уставъ 1867—1869 годовъ и притомъ за самыя удивительныя его свойства и послѣдствія. Такъ, „свѣтлое вѣяніе“ новой эпохи начало сказываться въ семинаріяхъ тѣмъ, что владимірскіе семинаристы просили имъ читать хотя бы платныя дополнительныя лекціи по исторіи, математикѣ и физикѣ (II, 182) (точно уставъ готовилъ намъ Эдиссоновъ), что ученики Курской семинаріи въ числѣ двухъ третей своего состава перечитали сочиненія Бѣлинскаго, Овена, Дрепера и Дарвина (I, 190),—что, по мнѣнію самого автора, въ числѣ достоинствъ устава былъ его классицизмъ или усиленіе древнихъ языковъ, который „сближалъ ихъ съ гимназіями и открывалъ дорогу въ университеты (II, 362)“ и т. п.“

Намъ уже наскучило выводить на свѣтъ безчисленныя искаженія, допускаемыя высокимъ рецензентомъ и полагаемыя въ фундаментъ его соображеній. Но продолжаемъ исполнять эту

---

[1]) Достаточно вспомнить, напримѣръ, исторію въ Казани съ „Прав. Собесѣдникомъ“ при ректорѣ Іоаннѣ Соколовѣ.

тяжелую обязанность. Итакъ, авторъ «въ старомъ уставѣ» осуждаетъ «все безусловно»? Въ какомъ, во-первыхъ, «старомъ уставѣ»? Устава Протасовскаго собственно не было. Протасовскія преобразованія не вылились въ форму устава, а составили только отдѣльныя новеллы по учебной части. Уставъ же до самаго 1867 г. былъ одинъ—уставъ 1814 г. Этотъ ли уставъ «безусловно» осуждаетъ будто бы авторъ? Однако, не самъ ли высокій рецензентъ говорилъ раньше укорительно, что уставъ 1814 г. авторомъ превозносится? Или у рецензента разумѣются подъ «старымъ уставомъ» Протасовскія реформы и вообще весь строй школы Протасовскаго времени? Но въ такомъ случаѣ невозможно говорить, что авторъ осуждаетъ тутъ «все безусловно». Вѣдь опять же выше отмѣчено, что такія полезныя нововведенія, какъ отмѣна латинскаго языка преподаванія и лучшая постановка Св. Писанія, авторомъ привѣтствуются. Авторъ превозноситъ до небесъ уставы 1867 и 1869 г.г.? Но кто прочтетъ соотвѣтствующіе отдѣлы VI главы II выпуска, тотъ убѣдится, что до «неба» отъ «превозношеній» автора очень далеко. Въ уставахъ 1867 и 1869 безпристрастно указаны и недостатки, хотя, впрочемъ, вообще оцѣнка этихъ уставовъ, не общая, а на основаніи фактическихъ данныхъ, составляетъ задачу дальнѣйшей разработки авторомъ того же вопроса. Авторъ превозноситъ уставы 1867 и 1869 г.г. за «удивительныя свойства и послѣдствія»? Справляемся съ доказательными цитатами и находимъ, что фактъ, отмѣченный на стр. 182—II, былъ за нѣсколько лѣтъ до устава 1867 г. и приведенъ онъ не какъ доказательство достоинствъ несуществовавшаго еще устава 1867 г., а какъ доказательство пробужденія жажды знаній въ семинаристахъ въ началѣ 60-хъ г.г. (хотѣлось бы знать, что въ этомъ фактѣ заслуживаетъ укоренія?); а фактъ приведенный на стр. 190 (но не I, а II вып.) въ примѣчаніи, приведенъ не въ похвальномъ смыслѣ, а скорѣе въ порицательномъ. Раскрываемъ стр. 362 II вып. и читаемъ не выхваленіе классицизма, а совсѣмъ наоборотъ: авторъ, не сторонникъ классицизма вообще, находитъ, что уставъ 1867 г. въ классицизмѣ дошелъ до крайностей, но что самъ по себѣ классицизмъ (хотя бы и нераціональный) не можетъ быть вмѣняемъ въ вину уставу 1867 г., такъ какъ въ условіяхъ того времени типъ классической духовной школы представлялся наиболѣе естественнымъ для реформаторовъ и имѣлъ практи-

ческое преимущество, сближая духовно-учебныя заведенія съ гимназіями (что для общаго духовнаго образованія находили отчасти нужнымъ и реформаторы нашихъ дней, во главѣ съ высокопреосв. Антоніемъ волынскимъ).—Такъ что же такое разсматриваемая тирада рецензента?

„Впрочемъ,—идемъ мы за архіеп. Антоніемъ,—если порывъ къ свободѣ и творчеству исходилъ изъ среды, нелюбезной нашему автору, то онъ вовсе его не привѣтствовалъ. Такъ на стр. 89-й авторъ признается, что если находились въ дореформенное время „сильные профессора", которые вопреки мертвящей цензурѣ вносили „жизненный современный интересъ въ эти науки", то это были люди „прикрытые (?) монашескою рясою". Однако, наиболѣе типичныхъ представителей такого направленія, именно ученѣйшаго ректора еп. Аѳанасія Дроздова и безусловно самаго талантливаго іерарха 19 вѣка Іоанна Смоленскаго, авторъ рѣзко, хотя и голословно, унижаетъ, называя ихъ, напр. „случайными реформаторами" (II, 2, 34) единственно за то, что ихъ воззрѣнія на духовную школу расходятся съ толстовскими, а еп. Иринея Пензенскаго за то же самое именуетъ „озлобленнымъ противникомъ преобразованія", „узкимъ реакціонеромъ и нетерпимымъ самовластцемъ (?)", „расписавшимся въ своей несостоятельности" (I, 276)."

Лучше ли, однако, эта тирада предыдущей? Свѣримъ опять тезисъ съ аргументами. Прежде всего, смыслъ словъ автора на стр. II—88 (а не 89) опять нѣсколько искаженъ. На этой страницѣ мы читаемъ: «Но все-таки находились смѣлые профессора, большею частью, впрочемъ, прикрытые монашеской рясой, которые вносили жизненный, современный интересъ» (въ академическія богословскія и философскія науки). Отсюда явствуетъ, что, во-первыхъ, не исключительно монашествующіе рисковали читать жизненныя лекціи, чему на той же 88 стр. приведены и примѣры. Во-вторыхъ, того специфическаго оттѣнка, какой получаетъ фраза автора въ передачѣ преосв. Антонія, въ ней нѣтъ. Въ-третьихъ, вопросительный знакъ рецензента къ слову «прикрытые» неумѣстенъ, такъ какъ изъ контекста рѣчи ясно, что это слово означаетъ то, что монашествующіе своимъ положеніемъ были болѣе защищены противъ излишней строгости начальническаго надзора. Но, помимо этого, и фактическая ссылка на отношеніе автора къ дѣятельности еп. Аѳанасія Дроздова и Іоанна Соколова несостоятельна. Авторъ не унижаетъ этихъ іерарховъ самихъ по себѣ: онъ говоритъ исключительно объ ихъ административно-академической и реформаторской дѣятельности. Что Аѳанасій Дроздовъ былъ ученѣйшій человѣкъ, объ этомъ завѣ-

ряетъ архіеп. херсонскій Никаноръ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]). Но, во-первыхъ, изъ словъ того же преосв. Никанора (по которому, повидимому, и нашъ высокій рецензентъ знакомъ съ личностью Аѳанасія) видно, что ученость Аѳанасіемъ была пріобрѣтена главнымъ образомъ послѣ службы въ академіи, въ академіи же онъ ея не обнаруживалъ (см. у *Петровскаго*, стр. 34). Во-вторыхъ, хотя бы Аѳанасій былъ и ученѣйшій человѣкъ, это не придаетъ большей цѣны его реформаторскимъ попыткамъ въ Протасовскую эпоху, каковыя попытки должны оцѣниваться сами по себѣ, а не по личности ихъ автора. Вѣдь не всякій же «порывъ» къ творчеству заслуживаетъ одобренія, не для личной оцѣнки, а для оцѣнки самаго дѣла. Что касается преосв. Іоанна Смоленскаго, то и это былъ, дѣйствительно, ученѣйшій человѣкъ, съ чѣмъ авторъ вполнѣ согласенъ. Но чтобы это былъ «безусловно самый талантливый іерархъ 19 вѣка», съ этимъ согласиться никакъ нельзя. Преосв. Никаноръ, напримѣръ, ставитъ Іоанна гораздо ниже Аѳанасія и другихъ (см. стр. 37 у *Петровскаго*). Существуетъ монографія г. Прокошева о каноническихъ трудахъ преосв. Іоанна (Казань, 1895 г.); и изъ нея не видно, чтобы преосв. Іоаннъ былъ такой исключительный талантъ. Митрополиты—Филаретъ, Макарій, архіеп. Никаноръ едва ли стояли ниже преосв. Іоанна Смоленскаго. Впрочемъ, это не такъ важно для насъ, а важно то, что во всякомъ случаѣ реформаторское творчество преосв. Іоанна въ казанской академіи, на которое намекаетъ цитата II, 34, ни съ какой точки зрѣнія не можетъ быть признано благотворнымъ. Какимъ же образомъ могъ бы его привѣтствовать авторъ? И какъ же съ чистою совѣстью сказать, что подобное «творчество» порицается въ книгѣ «единственно» за то, что оно расходится съ «толстовскими» идеями, если принять во вниманіе, что и Аѳанасій и Іоаннъ реформаторствовали задолго до Толстого и, главное, ихъ реформаторская дѣятельность по своему предмету высокаго вовсе не совпадала съ толстовскими реформами? Замѣчаніе рецензента объ Иринеѣ Пензенскомъ тоже заключаетъ нѣсколько искаженій. Еп. Ириней дѣйствовалъ во время еще Комиссіи Дух. Училищъ и его отзывъ, на который намекаетъ цитата I — 276 (полностью: 271 — 276), былъ присланъ

[1]) См. въ біографическихъ матеріалахъ, собранныхъ св. Петровскимъ, т. I, Одесса 1900 г., стр. 34—38.

въ Комиссію и оцѣнивается авторомъ не съ точки зрѣнія толстовскихъ идей, до которыхъ было еще далеко, а съ точки зрѣнія его внутреннихъ основаній и тогдашняго устава 1814 г. А терминъ «несостоятельность» относится не къ еп. Иринею и даже не къ его взглядамъ, а къ его донесенію, и обозначаетъ фактическую необоснованность послѣдняго, въ чемъ можетъ легко убѣдиться читатель по книгѣ.

Мы дошли почти до конца «отзыва» высокопреосв. Антонія. «Тенденціозность»—его послѣдній аргументъ противъ нашего сочиненія. Еще одна тирада—и укорительныя рѣчи высокаго рецензента придутъ къ желанному завершенію. Но прежде, чѣмъ привести эту тираду, мы хотѣли бы высказать нѣсколько соображеній. Уже изъ всего предыдущаго читатель составилъ, конечно, понятіе о техникѣ «отзыва» и, какъ мы думаемъ, чувствуетъ не малое... удивленіе. У него естественно рождается вопросъ: для чего же понадобились всѣ подобныя средства, для чего высокій рецензентъ спускается до не-высокихъ способовъ, лишь бы побольше получилось черной краски? Во всемъ предыдущемъ изложеніи эти дѣйствительныя побужденія оставались довольно искусно затушеванными. Правда, мы читали сдѣланное вскользь замѣчаніе о «либеральномъ тонѣ» диссертаціи; видѣли какіе-то намеки. Но все это казалось болѣе или менѣе случайнымъ. И въ оставшихся заключительныхъ строкахъ прямо не дается разгадка только что поставленнаго вопроса. Но тѣмъ не менѣе здѣсь найти ключъ ко всему «отзыву» уже не такъ трудно.

Вотъ эти заключительныя строки.

„Впрочемъ, монаховъ вообще нашъ авторъ считаетъ нежелательными педагогами, повторяя весьма малоубѣдительное указаніе на ихъ якобы частую смѣняемость и неудачно стараясь поразить читателя такою статистикой, какъ, напр.: во Владимірской семинаріи въ періодъ 1814—1840 гг. смѣнилось 4 ректора, въ Волынской за 1817—1840—5 ректоровъ, въ Пермской—1818—1840—5 ректоровъ (II, 250 ср. II, 268).—Это вовсе не такъ много; въ военныхъ училищахъ начальниковъ держатъ не болѣе 5 лѣтъ, а въ протоіерейскій періодъ семинарской жизни наиболѣе вопіющія безобразія и бунты обнаружились въ эпоху ихъ зарожденія (1899—1900) именно въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ ректора сидѣли по 20 лѣтъ и вмѣстѣ со своими супругами взирали на семинаріи, какъ на свою вотчину (см. моя III докладная записка Св. Синому 1906 г. Полное с. соч. т. III). Мы не будемъ вмѣнять нашему автору въ нарочитую вину его отношенія къ монашеству и даже къ Православной Церкви. Будь эти отношенія внѣ всякихъ упрековъ, все равно собранный имъ, но научно необработанный, сырой матеріалъ такъ же мало заслуживаетъ ему ученой степени, какъ содержащая въ себѣ еще болѣе сырого ма-

теріала и еще болѣе толстая книга „Весь Петербургъ“, около которой случайно лежала на моемъ столѣ его книга. Ученой диссертаціей она признана быть не можетъ независимо отъ направленія автора, въ ней выразившагося. Нижеподписавшемуся рецензенту придется еще долго сожалѣть о безполезно для себя потраченномъ времени на изученіе и оцѣнку этой скучной книги.

Съ перваго взгляда эта тирада представляется невинной, даже какъ будто для автора особенно снисходительной. Не вскрывая пока ея соли, раскроемъ сначала степень ея фактической убѣдительности. Высокій рецензентъ заявляетъ, что наше указаніе на неудобство для монашествующихъ административно-педагогической дѣятельности мало доказывается фактомъ частой смѣняемости ректоровъ-монашествующихъ. Самого этого факта и рецензентъ не отрицаетъ, но онъ считаетъ его нормальнымъ. Когда безъ доказательствъ дѣлается такое заявленіе, то оспаривать его по существу было бы напраснымъ трудомъ. Однако, во-первыхъ, простой здравый смыслъ всякому педагогу подскажетъ, что частая смѣна руководителей педагогическаго дѣла въ учебномъ заведеніи — явленіе нежелательное, вредное. Во-вторыхъ, сама церковная власть неоднократно оффиціально признавала ненормальность этого явленія и едва ли и теперь она бы стала утверждать противное. Слѣдовательно, что же «убѣдительнѣе» и «удачнѣе»: положеніе ли автора или положеніе высокаго рецензента?.. Что въ семинаріяхъ, управляемыхъ протоіереями, бывали особенно сильные бунты въ 1899—1900 гг., то прежде всего нужно статистически доказать, что у ректоровъ-протоіереевъ безпорядки возникали чаще и сильнѣе, чѣмъ у ректоровъ-архимандритовъ; а затѣмъ, если бы даже и такъ, то является ли это обстоятельство убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу частой смѣны школьныхъ начальниковъ?

Этимъ и исчерпывается фактическое содержаніе приведенной тирады. Но соль ея не здѣсь, а въ дальнѣйшихъ, повидимому случайныхъ и даже какъ будто снисходительныхъ, строкахъ, именно тѣхъ строкахъ, которыя говорятъ «объ отношеніи автора къ монашеству и даже къ Православной Церкви». Повидимому, высокопреосвященный рецензентъ обнаруживаетъ тутъ особое снисхожденіе. Для обычнаго читателя дѣло такъ и представится. Но чуткое ухо, которое не пропустило предшествующихъ аккордовъ о «либерализмѣ» и нѣкоторыхъ намековъ и до котораго доносились вообще слухи о предшествующей судьбѣ нашей диссертаціи, уловитъ въ этихъ

«снисходительныхъ» строкахъ многозначительный намекъ именно на весь сокровенный источникъ «отзыва» высокопреосв. Антонія. Намекъ сдѣланъ весьма искусно: но для той аудиторіи, для которой онъ предназначался, его вполнѣ достаточно. Она, предполагалось, ясно пойметъ, въ чемъ дѣло, а потому не будетъ особенно требовательной и къ матеріальному содержанію рецензіи, лишь бы послѣдняя производила надлежащій внѣшній эффектъ. Такъ какъ въ упомянутомъ намекѣ, какъ можно догадаться,—мы, признаться, отказываемся вѣрить, чтобы самъ высокій рецензентъ не сознавалъ подлиннаго значенія всѣхъ своихъ вышеразобранныхъ доводовъ,—скрывается разгадка всего отношенія рецензента къ нашему труду, то на немъ приходится особо остановиться.

Высокій рецензентъ даетъ уразумѣть, что рецензируемая книга обнаруживаетъ, будто бы, какое-то «неблагонадежное» (мы сами ставимъ этотъ терминъ, такъ какъ затрудняемся обозначить болѣе удачно скрытую мысль высокопреосв. Антонія) отношеніе автора «къ монашеству и даже къ Православной Церкви». Было время, когда подобныя обвиненія, передаваемыя хотя бы шопотомъ, влекли обвиняемыхъ чуть ли не въ застѣнки инквизиціи. Время это миновало и въ нашъ вѣкъ иногда громко обвиняютъ въ «неправославіи» самихъ іерарховъ (въ XIX стол. въ этомъ обвиняли даже Филарета московскаго), что не препятствовало и не препятствуетъ имъ оставаться и православными и іерархами. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, на подобныя обвиненія надобно рѣшаться все-таки особенно осторожно; и чѣмъ оффиціальнѣе какое-либо лицо, а—главное—чѣмъ оно дѣйствительно больше уважаетъ Церковь, тѣмъ повышеннѣе должна быть такая осторожность, потому что не на обвиняемыхъ, а на обвинителей и систему, представителями которой они являются, падаетъ стыдъ за недоказанное, несправедливое обвиненіе. Чѣмъ же подтверждаетъ высокопреосв. Антоній свое обвиненіе, высказанное хотя бы намекомъ, но такимъ намекомъ, значеніе котораго прекрасно должно было учитываться? Абсолютно ничѣмъ. Сама по себѣ уже эта бездоказательность лишаетъ самый намекъ значенія въ безпристрастныхъ глазахъ. Но если бы даже высокій рецензентъ вздумалъ искать подкрѣпленія своему намеку въ книгѣ, то тамъ не нашелъ бы искомаго.

Что касается самой важной стороны многозначительнаго намека—относительно «Православной Церкви», то тщетно

искать въ нашей книгѣ чего-либо похожаго на неуважительное къ ней отношеніе. Ни вѣроучительныхъ, ни каноническихъ вопросовъ мы не затрогиваемъ и вообще о Церкви, какъ учрежденіи, у насъ нѣтъ рѣчи. Мы не касаемся даже какихъ-либо церковныхъ установленій въ принципіальномъ ихъ значеніи. Самый предметъ нашей рѣчи—духовная школа—разсматривается чисто исторически, съ той ея стороны, которая имѣетъ всецѣло временное значеніе и опредѣляется временными условіями. Остается, поэтому, въ намекѣ высокопреосв. Антонія болѣе или менѣе правдоподобною только часть, относящаяся къ монашеству, которое, быть можетъ, въ рецензіи и отождествляется съ Православной Церковью. О монашествѣ, какъ будто бы, дѣйствительно встрѣчаются въ книгѣ «несочувственныя» выраженія. Предлагаемъ, однако, читателю взять самую книгу и укажемъ ему то главное мѣсто (да и единственное, пожалуй), которое не скрытнымъ рецензентомъ, а болѣе откровенными людьми выставляется въ качествѣ показателя «тенденціозно-враждебнаго» отношенія автора къ монашеству. Мѣсто это во II вып., стр. 167—172. Прочитавши его, каждый долженъ, во первыхъ, убѣдиться, что монашество, какъ институтъ, тутъ ни въ какой степени не порицается. О самомъ институтѣ монашества авторъ, —кстати откроемъ,— весьма высокаго мнѣнія. На указанныхъ страницахъ, да и вообще въ книгѣ, монашество затрагивается исключительно постольку, поскольку оно имѣло отношеніе къ административному строю духовно-учебныхъ заведеній. Съ этой точки зрѣнія, учебная монашествующая администрація того времени считается авторомъ большею частью (но не въ полномъ цѣломъ) не вполнѣ удовлетворяющей своему назначенію, для чего указаны и основанія. Допустимъ теперь даже, что авторъ неправильно оцѣниваетъ дѣятельность монашествующей администраціи. Слѣдуетъ ли отсюда что-либо порицательное по отношенію къ монашеству, какъ таковому? Никоимъ образомъ. Учебно-административная дѣятельность органически вовсе не связана съ монашескимъ институтомъ и прекрасный инокъ можетъ быть плохимъ администраторомъ безъ ущерба своей иноческой чести. Имѣя въ виду первоначальныя, идеальныя основанія монашескаго института, надобно сознаться, что для истаго инока даже по существу затруднительно одинаково хорошо исполнять иноческія и школьно-административныя обязанности. Какъ бы то ни было, если даже авторъ и ошибочно

оцѣниваетъ монашество въ школьной администраціи, это вопросъ совершенно объективно-научный и здѣсь рѣчь можетъ быть не объ уваженіи или неуваженіи къ монашеству, а только о правильности или неправильности тѣхъ или другихъ научно-историческихъ выводовъ, въ каковой плоскости и споръ долженъ основываться на объективныхъ, фактическихъ данныхъ.

Чтобы насъ не обвинили, однако, въ излишней «общности» нашего соображенія, представляемъ нѣкоторыя разъясненія и фактическаго значенія. Нельзя, во-первыхъ, оцѣнивать тогдашнее положеніе вещей съ точки зрѣнія современнаго. Въ періодъ 1814—1867 г. всѣ начальствующія лица въ семинаріяхъ были изъ монашествующихъ. Вслѣдствіе этого происходило то, что на начальственныя должности назначались лица и безъ строгаго соображенія ихъ способностей съ задачами школьнаго служенія, потому что монашествующихъ все-таки было не такъ много, а административно-школьныхъ должностей значительное количество. Отсюда и получалось, что нерѣдко даже достойный инокъ оказывался не на своемъ мѣстѣ въ школѣ и школа неизбѣжно отъ этого страдала. И это не наше только мнѣніе. Это мнѣніе, напримѣръ, такого идейнаго апологета монашества, какъ архіеп. херсонскій Никаноръ. Вотъ какія строки, хотя бы, мы читаемъ у него относительно будничной монашеско-административной дѣйствительности. Обрисовавши тяжелое положеніе инока-администратора, онъ пишетъ: «отъ этого начальникъ заведенія нерѣдко и самъ оказывался затворникомъ-полумученикомъ и на подчиненныхъ имѣлъ вліяніе, съ одной стороны, тяжелое, гнетущее, а съ другой—вліяніе только поверхностное, только носимою имъ на себѣ идеей аскета; на его глазахъ все сжималось, показывалось болѣе или менѣе замаскировано въ извѣстную духовную форму, а за глазами бурса была размашистою, грязною, чудовищною бурсою, какъ описывается она у Помяловскаго и другихъ» [1]). Пусть читатель сравнитъ эту оцѣнку будничной, обыденной школьно-административной монашеской дѣйствительности съ нашею и чистосердечно скажетъ: не то же ли самое, что и мы, говоритъ преосв. Никаноръ? Современные ревнители безусловнаго превосходства монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ въ дѣлѣ школьнаго управленія обычно ссылаются на такіе примѣры, какъ знаменитые Филареты, Антоній (Амфитеатровъ), Макарій

[1]) См. у Петровскаго, Біогр. мат., т. I, стр. 145.

(Булгаковъ), Никаноръ (Бровковичъ) и т. п. Но сосчитайте точно, много ли этихъ именъ, которыя дѣйствительно славны и на поприщѣ школьно-административной дѣятельности? За тотъ періодъ времени, который описанъ въ нашей книгѣ, едва ли найдется такихъ именъ болѣе десятка-двухъ, и то разумѣется съ разнымъ блескомъ. Между тѣмъ школьныхъ начальниковъ за это время были сотни (считая и инспекторовъ). Такъ можно ли же по выдающимся исключеніямъ судить о средней дѣйствительности? Это по меньшей мѣрѣ не научно. А для ближайшаго знакомства съ этой средней дѣйствительностью отошлемъ читателя хотя бы къ печатаемымъ нынѣ въ «Душеполезномъ Чтеніи» запискамъ преосв. Никодима, еп. енисейскаго и красноярскаго. Здѣсь—бытовая иллюстрація къ нѣкоторымъ нашимъ общимъ выводамъ II—167—172.

Самые эти общіе выводы опять-таки не составляютъ нашу исключительную принадлежность. Напротивъ, они составляютъ голосъ вполнѣ безпристрастныхъ, выдающихся людей той самой эпохи, о которой мы трактуемъ. Сравните, напримѣръ, стр. 171—172 II вып. съ стр. 313—314, и вы увидите, что приводимое въ послѣднемъ мѣстѣ мнѣніе просвѣщеннѣйшаго іерарха архіеп. Макарія Булгакова вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ. Раскройте вышедшую въ 1910 г. книгу прот. А. А. Бѣляева: «Профессоръ московской духовной академіи П. С. Казанскій и его переписка съ архіепископомъ костромскимъ Платономъ» (вып. I, Серг. Пос.) и прочтите здѣсь стр. 111—113, 144, 147: вы встрѣтите подробное раскрытіе небольшой, приведенной у насъ (II—171) выдержки изъ писемъ Казанскаго и гораздо болѣе (чѣмъ у насъ) рельефное указаніе на тѣ самые недостатки, какіе отмѣчаемъ и мы (II, 167—172). А проф. Казанскій, какъ видно изъ той же книги Бѣляева, былъ отнюдь не либералъ, а аскетъ-полумонахъ, строгій церковникъ, въ которомъ никто не заподозривалъ и тѣни «неблагонадежности» даже въ то суровое время. Отыщите, наконецъ, III томъ писемъ Иннокентія, митр. московскаго (Спб. 1901 г.), человѣка весьма консервативныхъ убѣжденій, страстнаго противника толстовскихъ реформъ, потребовавшаго тотчасъ по возведеніи на московскую каѳедру (1868 г.) ихъ отмѣны. Найдите здѣсь (стр. 352 и слѣд.) его записку о воспитаніи духовнаго юношества, написанную еще въ 1858 г. и проникнутую идеями, весьма родственными идеямъ высокопреосв. Антонія волынскаго, и прочтите въ ней слѣдующія строки (стр. 381—382):

«По моему мнѣнію, надобно поставить правиломъ: ректорами семинарій опредѣлять протоіереевъ... Ученыхъ священниковъ теперь не менѣе, какъ и ученыхъ монаховъ: степень учености тѣхъ и другихъ одинакова. Но собственно для семинарій ректоръ-протоіерей (разумѣется способный, избранный) гораздо полезнѣе, чѣмъ ректоръ-архимандритъ. Во-первыхъ, потому, что онъ, поступивъ на сію должность яко женатымъ, не можетъ ни желать, ни мечтать о переводахъ или повышеніи въ санѣ. При обыкновенномъ ходѣ дѣлъ только смерть или продолжительная тяжкая болѣзнь можетъ прекратить его служеніе при семинаріи. А чѣмъ онъ долѣе будетъ служить ректоромъ, тѣмъ онъ будетъ опытнѣе и, слѣдовательно, полезнѣе. Во-вторыхъ, онъ, будучи отецъ семейства, вполнѣ и практически понимаетъ, что такое дѣти, и сами по себѣ, и для родителей. Монахи знаютъ объ этомъ только изъ книгъ». Такъ что же, господа? Гдѣ же кончается консервативность и начинается либерализмъ? Къ какому лагерю отнести подобныхъ идейныхъ апологетовъ строгой церковности и монашества? Если они не уважаютъ монашество, то есть основаніе обвинить въ томъ же и автора; но если къ нимъ было бы немыслимо предъявлять подобное обвиненіе, то столь же неоснователенъ и многозначительный намекъ нашего высокаго рецензента.

Съ рецензентскимъ «намекомъ» на этомъ можно бы покончить. Но мы хотимъ еще коснуться двухъ пунктовъ, которые такъ или иначе могутъ покоиться въ основаніи этого намека. Въ книгѣ автора, въ разныхъ мѣстахъ, при оцѣнкѣ уставовъ, указывается на неудобство въ извѣстныхъ отношеніяхъ полной зависимости духовно-учебныхъ заведеній отъ епархіальныхъ архіереевъ и проистекавшія отсюда нежелательныя послѣдствія; соотвѣтственно съ этимъ и централизація школьнаго управленія и развитіе самоуправленія привѣтствуется, какъ шагъ впередъ. Преосв. Антоній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отзыва, какъ мы видѣли, даетъ понять, что и этотъ пунктъ онъ считаетъ выраженіемъ «либерализма». Другой нашъ критикъ прямо заявилъ, что тутъ «тенденціозно-враждебное» отношеніе къ власти архіерейской надъ дух. школой. Но не странно ли видѣть «тенденціозную враждебность» во всякомъ указаніи административныхъ дефектовъ, когда они касаются сферы архіерейской компетенціи? Здѣсь опять можетъ быть только объективное оспариваніе взгляда автора; но уже если въ чемъ есть тенденціозность, то это въ самомъ указанномъ обвиненіи.

Опять же замѣтимъ, что полное подчиненіе семинарій архіереямъ и усиленіе архіерейской власти надъ уч. заведеніями считали, напримѣръ, нежелательнымъ архіеп. Макарій (Булгаковъ) и Антоній (Амфитеатровъ), какъ то отмѣчено у насъ въ книгѣ (II, 309—310). Авторы устава 1814 г. (въ томъ числѣ Филаретъ Дроздовъ) находили нужнымъ ограничить извѣстными рамками архіерейскую компетенцію; авторы устава 1867 г.—тоже. Церковная власть того времени, да собственно и послѣ того времени вплоть до нашего, узаконяла эти «рамки». Намъ кажется, всѣхъ іерарховъ, причастныхъ къ этимъ «ограниченіямъ», съ такимъ же правомъ можно обвинить во «враждебности» къ архіерейской власти, какъ и автора «либеральной» диссертаціи.

Мы какъ разъ упоминули объ уставахъ 1814 г. и 1860-хъ г.г. Это и есть тотъ оставшійся пунктъ, котораго мы считаемъ нужнымъ коснуться. Преосв. Антоній, какъ мы выдѣли, крайне недоволенъ, что авторъ хвалитъ эти уставы и особенно уставы 1867 и 1869 г.г. Конечно, это недовольство совершенно субъективнаго происхожденія и зависитъ всецѣло отъ личныхъ взглядовъ. Позволимъ себѣ, однако, напомнить слѣдующее. Уставъ 1814 г. былъ составленъ при ближайшемъ участіи видныхъ впослѣдствіи іерарховъ. Этотъ уставъ отдавалъ дѣло высшаго руководительства школой въ іерархическія руки (Комиссія Дух. Училищъ). Большинство тогдашней іерархіи этотъ уставъ цѣнило высоко. Есть ли же хотя малѣйшее основаніе выдавать за «либерализмъ» высокую оцѣнку этого устава? И какая логика, напримѣръ, въ упрекахъ по адресу автора, что онъ яко-бы пристрастно не сочувствуетъ архіерейской власти надъ школой, когда этотъ авторъ ставитъ управленіе іерархической Комиссіи выше и Протасовской и даже, пожалуй, Толстовской системы управленія; и какъ согласить видимую апологію Протасовской эпохи со стороны высокаго рецензента, когда эта эпоха какъ разъ и отстранила наиболѣе іерархію отъ школьнаго дѣла, съ не менѣе видимымъ ратованіемъ того же рецензента за іерархическія права? Уставы 1867 и 1869 г.г., дѣйствительно, были съ неудовольствіемъ приняты іерархіей, и именно за ихъ «либерализмъ». Однако, если вникнуть въ существо дѣла, то не трудно подмѣтить, что административный строй школы («либерализмъ» относится почти исключительно сюда) собственно почти не измѣнился и при послѣдующихъ уставахъ. Правда, выборное начало въ семинаріяхъ было от-

мѣнено. Но ужели уже такой жупелъ это выборное начало? Не составленное ли церковной властью Предсоборное Присутствіе развивало его примѣненіе, не Св. ли Синодъ въ 1905 г. издалъ знаменитыя «временныя правила» по части академическаго управленія? Слѣдовательно, въ самомъ крайнемъ случаѣ авторъ не больше обнаружилъ страшнаго «либерализма» въ оцѣнкѣ уставовъ 1860-хъ г.г., чѣмъ церковная власть эпохи Толстого и эпохи Предсоборнаго Присутствія. Пускай въ наши дни взгляды правящихъ церковныхъ сферъ измѣнились. Но ужели же и научно-литературная дѣятельность должна слѣпо приспособляться ко всѣмъ перемѣнамъ въ измѣнчивой церковной политикѣ? Да и какъ приспособляться, когда книга, скажемъ, напримѣръ, писалась при дѣйствіи «временныхъ» академическихъ правилъ; а диссертаціонное сужденіе о ней совершается въ атмосферѣ нашихъ дней?

Новое повтореніе въ заключительныхъ строкахъ высокопреосв. Антонія старой реплики о «сыромъ матеріалѣ», разумѣется, не придаетъ ей новой цѣнности. Сравненіе серьезной книги, пусть бы она даже и на самомъ дѣлѣ заключала «сырой матеріалъ», но тѣмъ не менѣе удостоенной высшимъ ученымъ учрежденіемъ Россіи (Академіей Наукъ) преміи (Уваровской), съ Суворинскимъ изданіемъ «Весь Петербургъ», если и задѣваетъ честь, то не авторскую. Едва ли могутъ убѣдительно звучать и неоднократныя сѣтованія высокопреосв. Антонія на то, что книга «безконечно-длинна» и «безконечно» или просто «скучна». «Безконечно-длина»... Какое значеніе имѣетъ такое опредѣленіе въ качествѣ... научнаго замѣчанія? 800 страницъ— это вовсе и не такъ ужъ много; есть сочиненія гораздо большія по объему. Да и что это вообще за мѣрка ученой работы— ея «длиннота»? «Безконечно-скучна»... Конечно, мы и не думаемъ сравнивать по интересу свою скромную работу съ трудами, хоть бы, напримѣръ, самого высокопреосвященнаго Антонія. Звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ... Однако, все таки, такъ ли ужъ «безконечно-скучна» наша книга? Намъ случалось слышать отъ нѣкоторыхъ ея читателей, что, напротивъ, они читали ее съ рѣдкимъ для подобнаго рода сочиненій интересомъ. Конечно, это дѣло вкуса. Но не слишкомъ ли субъективна для оцѣнки ученыхъ работъ такая точка зрѣнія, какъ ихъ «скучность»? Искренно сожалѣемъ, что высокопреосв. Антонію выпала тяжелая необходимость прочитать нашу «скучную» книгу. Но вѣдь въ этомъ-то виноватъ уже не авторъ.

Таковъ «отзывъ» высокопреосвященнаго архіепископа Антонія волынскаго о докторской диссертаціи, помѣщенный въ качествѣ фельетона въ газетѣ «Колоколъ».

Мы разобрали «отзывъ» высокопр. Антонія съ исчерпывающей полнотою, въ чемъ предлагаемъ убѣдиться каждому читателю (сравнивши «отзывъ» съ нашимъ отвѣтомъ). Мы не прошли мимо ни одного даже частнаго штриха, чтобы насъ не обвинили въ замалчиваніи. Что въ этомъ отзывѣ встрѣтили мы объективно-научнаго, доказательнаго и убѣдительнаго, это видѣли читатели... Мы знаемъ, конечно, что нашъ «отвѣтъ» не произведетъ такого впечатлѣнія, какое производитъ «отзывъ» благодаря своему тону. У насъ нѣтъ ни словъ въ родѣ «передержка», «нелѣпый» и т. п.; ни терминовъ въ родѣ: «Третьяковщина»; ни ссылокъ на анекдотическую «селезенку», ни многозначительныхъ намековъ; ни, главное, того фельетоннаго тона, который на обычную публику вліяетъ психологически въ желательномъ для автора направленіи. Нѣтъ ничего этого потому, что, во-первыхъ, мы не находимъ удобнымъ прибѣгать къ подобнымъ пріемамъ въ серьезной полемикѣ, а во-вторыхъ, потому, что мы связываемся естественнымъ уваженіемъ къ высокому званію нашего высокаго рецензента. Но были ли у насъ поводы для подобныхъ же «яркихъ красокъ», о томъ опять предоставляется судить читателямъ.

Мы хотѣли бы присоединить къ нашему «отвѣту» и тѣ общія соображенія о положеніи вообще духовно-академической науки, которыя невольно напрашиваются въ связи съ оффиціальнымъ значеніемъ «отзыва» высокопреосв. Антонія. Свойства этого «отзыва» въ сопоставленіи съ его практическими послѣдствіями наводятъ на многія небезынтересныя размышленія. Но мы находимъ нужнымъ воздержаться и отъ подобныхъ общихъ соображеній, предоставляя стороннему безпристрастному суду рѣшить, какіе выводы вытекаютъ изъ всего этого случая.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР